

Николай Старинщиков

Волчий корень

Не буди лихо

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Старинщиков

Волчий корень

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старинщиков Н. А.

Волчий корень / Н. А. Старинщиков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Ефремов отошел на лестничную площадку и стал подводить итоги. Аномально повел себя – и вот результат, хотя можно было продать дачу, машину, гараж. На худой конец – квартиру. Система, будь ты неладна! Степаныч был когда-то ее частичкой. Теперь он жертва. Всякое случилось, но чтобы так, это уж извините... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

Ефремов Иван Степанович сидел за столом на кухне и смотрел на улицу. Дождь снова лил как из ведра, стараясь, как видно, смыть всю грязь, что накопилась за эти два дня. До этого стояла жара. Тогда и загремел Олег за решетку. Так круто залететь мог только он, потому что упёртый, несговорчивый. Другие теперь поступают иначе.

– И ты опять промолчал? Что ты за личность такая, Ефремов?! – ворчала супруга. – Неужели так трудно? Работал ведь тоже у них... Они же ведь тоже люди.

У Степаныча голова шла кругом. Недавно к Олегу подъехали трое и давай обрабатывать: типа, без них ему будет не обойтись. Короче, с услугами. Но сын отказался, не нужна ему никакая охрана. Да и денег нет, что запросили...

– Так и будешь сидеть?! – доставала жена. – Делать ведь что-то надо!

– Не мешай. Я думаю...

Супруга поднялась из-за стола, вышла в зал. У нее работа неожиданно там появилась – вещи перекладывать с места на место.

– Надумал?!

Она вернулась на кухню.

– Адвокат зелёными просит, – не выдержал Степаныч. – Штук пять, говорит, на первое время... А всего, с учётом судебного разбирательства, пятнарик как раз будет...

Жена выкатила глаза.

– Ты не ослышалась. Иначе, говорит, по вашему делу работать не буду...

– Что у них там за ставки, ей богу...

– Опомнилась! С луны прилетела!

– Где взять...

– Вот я и думаю...

Ефремов не имел таких денег никогда. Ему не приходилось их видеть даже в чужих руках. У Олега денег тоже нет – фирмочка так себе. Едва налоги успевал платить. Квартиру если продать, хрущевку, и то не соберёшь.

– Придется снова пойти, на поклон, – решил Степаныч. – Дождь кончится – пойду. Николай Николаевич должен помочь... Ученик всё же мой... Ещё курсантом...

– Сразу надо было к нему!

Серафима Семеновна присела к столику и стала учить супруга. Так, мол, и так. Работал тоже у вас. Следователем...

– Старшим, – уточнил Степаныч.

– Ну, ты знаешь, как там сказать.

Степаныч, впрочем, не строил иллюзий. Следователь перед этим говорить с ним не захотел, так что надеяться оставалось только на адвоката. А тот вёл странную линию, назвав фантастическую сумму, которая, как он прямо сказал, уйдёт практически следователю. Но это же вымогательство чистой воды!

– Помнишь, – говорила жена, – тебе цыган деньги кинул на стол и убежал? А ты бежал за ним по коридору.

– Не догнал...

– Потом на церковь пожертвовал. И даже квитанцию принес...

– Цыган скупой попался. Кинул бы больше – может, не стал бы жертвовать...

– Ещё кому не скажи!

– Одного боюсь, – соображал Степаныч. – Упрутся... И будут гнуть прежнюю линию.

– Смотри сам...

– Здравствуй! – опешил Степаныч. – Опять виноват буду...

– Собирайся. Зонтик возьми и ступай. И без Олега не возвращайся.

Степаныч сплюнул: еще не поймали, но уже ощипали...

– Всё равно денег нет! – подгоняла Сима. – С богом!

И Степаныч, взяв зонтик, покинул квартиру. Не может такого быть, чтобы сын наркотой занимался – у него и дум таких не было. Поговорить надо с ним: по глазам оно видно будет – виноват или нет.

Районное управление помещалось в бывших стройбатовских казармах. Ефремов сел в троллейбус, доехал до нужной остановки, дальше пошел пешком. По пути Степаныч пытался набраться смелости. Сейчас он придет к Николаю Николаевичу и спросит – как в полковниках ходится, не жмут ли погоны? Степаныч когда-то учил его готовить процессуальные документы, когда тот отработывал положенные дни во время практики...

Степаныч поднялся на третий этаж, подошел к двери. Мимо сновали незнакомые люди, а он всё стоял. Потом толкнул дверь и вошёл в приемную. За столом сидела хмурая дама.

– Мне насчёт сына. Дело в том, что его неправильно задержали...

Ему не дали договорить. Занят начальник!

– Но мне надо...

– Запишитесь на приём! Или к Винокурову, заместителю по следствию! Начальник не может принять всё население.

– Но мне нужно именно к нему! – торопился Степаныч. – У него заседание?

– Нет...

– Тогда я зайду...

– Нет, вы не зайдете!

Степаныч дернул дверь и скользнул внутрь. Дама пицала у него за спиной, цепляясь за локти.

– Здравия желаю, Николай Николаевич! А ведь к вам не прорваться!

Прахов оторвал взгляд от стола, затем поднялся и пошёл навстречу:

– Какими судьбами?

– Сынок... Думаю, арестуют...

– Присаживайся, Степаныч. Сейчас разведем.

Прахов вернулся к столу, нажал на клавишу и поднял телефонную трубку.

– Кто у тебя по делу Ефремова закреплен? – спросил он кого-то. – Неужели всё так серьезно, что надо тащить за решетку? – Он покачивал головой. – Отец тут его подошел, из нашей системы тоже... Про овец и волков это ты правильно заметил... И овцы целы, и волки сыты... Иногда так бывает...

Ефремов был на седьмом небе. Давно надо было подъехать, так все теперь делают. Один он стеснялся всю жизнь... Зато честен. Почти что беспорочен. Кому она нужна, прости господи, честность!

Он поблагодарил начальника и вышел из кабинета. Радость его была безмерна. Сейчас он увидит сына – как раз его доставили из ИВС для проведения следственных действий. А может, и не увозили его никуда, оставив на ночь в местном обезьяннике...

Поднявшись этажом выше, он подошел к кабинету Бнатов и постучал в дверь. Однако ему никто не ответил. Он толкнул дверь, прошел тамбуром внутрь, открыл вторую дверь: за столом сидел Бнатов, перед ним в наручниках стоял Олег.

– Можно к вам? – Степаныч шагнул к столу, не дожидаясь ответа. Слишком медлителен этот Бнатов.

Следователь, как и в прошлый раз, смотрел исподлобья.

– Я от Николая Николаевича, – сказал Степаныч, чувствуя сухость в горле.

– Слушаю вас.

Бнатов смотрел холодно и с презрением. Впрочем, было еще что-то во взгляде.

– Неужели всё так серьезно, что надо держать? – торопился Степаныч. – Ведь он предприниматель. Ему дорога каждая минута. – И к сыну: – Скажи, Олег! Это правда? Смотри мне в глаза! Это правда, о чем мне сейчас рассказали?!

Олег ничего не ответил. Лишь покрутил пальцем у виска, подняв кверху обе руки в наручниках.

– Скажи мне хоть слово!

На столе у следователя прозвенел телефон.

– Слушаю, Бнатов. Хорошо, пусть поговорят...

Вероятно, Бнатову звонил сам Николай Николаевич. И вот он результат: покатила тележка.

Следователь опустил трубку:

– У вас одна минута. По делу ни слова.

Степаныч бросился к сыну, обнял. Ему и надо всего – в глаза посмотреть. Отцовское чутьё не обманешь.

Олег не врал. Дело сфабриковано. Это же очевидно.

– Ты признал себя виновным? – спросил Степаныч о главном.

Следователь подскочил, словно ужаленный:

– Разговор закончен! Вас предупреждали!

– Не признавай вину! – напутствовал отец.

В него тут же вцепились следователь и какой-то помощник, взявшийся ниоткуда, и стали выдавливать из кабинета.

– В суде будет поздно! – кричал Степаныч, пятась к двери.

У косяков его с силой толкнули, и он выпал из кабинета под ноги какой-то старухе. Он вскочил, бросился назад, но дверь оказалась на запоре. Степаныч упорно стучал – ему не открывали.

Едва соображая, он отошел на лестничную площадку и стал подводить итоги. Аномально повел себя. Согласился на уговоры супруги – и вот результат, хотя можно было продать дачу, машину, гараж... На худой конец – квартиру. Эту силу победить невозможно. Даже оторопь берет, до чего они здесь перестроились.

– Не помню, чтоб было такое... – плевался он в угол. – Всякое случалось, но чтобы так, это уж извините...

Он опустился на первый этаж, вышел на задний двор и там отлил, пристроившись за углом. Затем вернулся. Его неудержимо тянуло наверх, там у него оставался сын. Вероятно, следователь выглядывал в коридор. Теперь он уверен, что в коридоре, кроме старух, нет никого. Ушел старый козел – можно и делом заняться.

По пути его обогнали двое в штатском, лет под тридцать. Степаныч их не интересовал.

– Слоника сделаем – он и подпишет, – гудел один. В руках у него был свёрток серой резины с рубчатым шлангом.

«Оперативники! – догадался Степаныч. – Выходит, не ввали СМИ по поводу «слоников». Не повезло кому-то...»

Оперативники устремились по коридору направо. Страшное предчувствие охватило Степаныча. Кабинет открылся, двое вошли, и дверь захлопнулась.

Степаныч подошел к двери, прислушался и ничего не услышал: ему мешали женские всхлипы. У одной сына ограбили, другую сноха ножом пырнула.

– Тише вы!

Женщины послушно затихли. Степаныч прислонился к двери. Из-за двери доносились слабые шорохи. Скрипнула в тамбуре внутренняя дверь.

– Не буду я подписывать! – донесся голос Олега.

– Почему ты не будешь?! Почему?! – орал Бнатов.

– Это не сфера моих интересов!

– Да что ты...

Раздался шорох, словно внутри шла борьба. Внутренняя дверь закрылась.

Слух у Степаныча напрягся, а воображение нарисовало картину: Олег бьется в конвульсиях, трясет головой. Перекрытый рубчатый шланг мотается на груди. Степаныч больше не мог терпеть.

– Внимание! Очевидцы! Там пытаются человека!

Развернувшись, он ударил ногой в дверь. Шпингалет вылетел вместе с гвоздями. В МВД никогда не было надежных запоров. Дверь распахнулась.

Еще два удара в другую дверь, и та слетела с петель. Олег сидел на полу, трясая головой. Степаныч сорвал с него маску и разорвал.

Двое оперативников жались в углу. Бнатов сидел на прежнем месте.

– Суки! – кричал Олег. – Чтоб вы сдохли!

Степаныч не стоял на месте – у него было мало времени, всего две секунды. И он их уже потерял. Удар ногой с разворота не достиг цели. Бнатов успел увернуться, ударившись головой в сейф. Двое других опомнились, полезли на Степаныча. Сейчас мы тебя... Мелькнул баллончик с «черемухой». Толпа зевак застряла в двери.

Втроем, включая следователя, Степаныча повалили на пол. Удары сыпались со всех сторон. Внешнюю дверь захлопнули перед носом у «зрителей».

– Прекратите! – кричал Олег. – Я подпишу! Отпустите его!

Олега услышали. Надели на Степаныча наручники и крепко зажали – до боли.

– Фашисты... – пыхтел Степаныч. – Вы у меня попляшете...

– Сам ты будешь плясать, – отдувался Бнатов. – Запомни! Я обещаю!

Он хлопнул рукой по столу, придвинул Олегу протокол допроса:

– Подписывай! Можешь не читать – не велика шишка!

Степаныч лежал на полу.

– Прошелестите насчет свидетелей, – опомнился Бнатов.

Оперативники кинулись в коридор. Оттуда донеслось старушечье «кряканье». В кабинет вбежал дежурный сержант, вывел Олега. Степаныча подняли с пола, усадили на стул. Быстрые руки побежали по карманам.

– Сиди, пока по ушам не съездили...

– Понятых! – напомнил Бнатов. – Немедленно!

Он был вне себя от счастья: его трал захватил богатый улов – сын с отцом попали в сети.

Оперативники завели двух старух. Бнатов продолжил гундёж:

– Сейчас мы осмотрим ему карманы... Прошу запомнить и подтвердить...

Оперативник сунул руку Степанычу в карман брюк и вынул скромный пакетик.

– Видали? Кажись, наркотик, – продолжал Бнатов. – Что это такое?

Степаныч молчал.

– Задержанный не хочет сознаваться. Такое бывает. От безысходности.

– Но вы нас позже пригласили, – опомнилась одна из женщин. – Откуда нам знать, что у него до этого было в кармане... Он же в наручниках, связанный.

Бнатова покорило от неожиданности. Грамотные попались. В тонкостях разбираются.

– Подписать-то мы подпишем, – говорила другая, – но имейте в виду, что этот факт надо отразить в протоколе.

Бнатов не возражал. А как же! Конечно! Для того он и поставлен, чтоб отражать.

Подписав протокол, женщины удалились в коридор.

– Ну что? Озадачен?

Бнатов откинулся в кресле, вынул сигарету, закурил.

– Как же ты без адвоката работаешь? – не выдержал Степаныч.

– С тобой, что ли?

Следователь затаился сигаретой и отвернулся к окну.

– Что вы за люди такие, – ворчал Степаныч. – Что вы за племя...

– Ночевать здесь будешь, так что уймись... Одно мое слово – пойдешь к урмам. Дошло до тебя? На Прахова не надейся... Тогда другое время было, когда ты служил...

Степаныч опустил голову. Выручил, называется... Раньше, бывало, по телевизору да в газетных статьях узнавал. Не разобрать было – где «пехота» бандитская, где «мусарня». Теперь прозрел. Это походит на эпидемию саранчи.

Вошёл тот же сержант, и следователь распорядился:

– Держи пока у себя. Там видно будет...

– Материалы! – напомнил сержант.

– Будут вам и материалы. Целое дело. Дежурному сейчас позвоню, а ты иди. Веди мухомора с глаз.

Сержант сокрушенно качнул головой, глядя на яркие «фары» под глазами Степаныча, и велел подниматься.

Ефремов поднялся и, шатаясь на полусогнутых, пошёл из кабинета. Он нисколько не каялся. Он был убежден: сын ни в чём не виновен.

– Какой красивый! – усмехнулся оперативный дежурный. – В пятую его! И посматривай, чтоб не буянил. Бнатов, говорят, головой об сейф стукнул...

Камера отворилась, Степаныча втокнули внутрь. Здесь находились двое. Один с видом бомжа. Второй, молодой, мог сойти за инженера – в костюме, но без галстука. На вид лет под тридцать.

Степаныч поздоровался и сел на скамью. Соседи по камере искоса поглядывали в его сторону.

– За что тебя? – участливо спросил «инженер».

– Лицом не понравился, – ответил Степаныч. – Шел, никого не трогал... Как сюда попал, не помню. Голова кружится до сих пор.

Дверь загремела запором.

– Ефремов, на выход!

Степаныч поднялся и вышел. В коридоре стоял Николай Николаевич.

– Чего ты добился? – поехал он. – Решил на нервах сыграть? Зачем тебе это надо? Ведь не маленький. Ударил сотрудника. Второго чуть зрения не лишил.

– Кого это?! Что-то не въеду...

Николай Николаевич гнал «пургу». И вниз он спустился лишь для того, чтобы выяснить, чем дышит старый Ефремов.

– Совсем ты, Степаныч, изменился. Может, ты пьешь?

– С какой зарплаты?!

– Вот и поговори с тобой.

– За что меня сюда?! За что сына?! Нет у вас доказательств! Никаких!

– Откуда у тебя-то, старый, пакетик взялся? Нюхаешь на старости лет?

Степаныч замер с разинутым ртом. Совсем рехнулись.

Николай Николаевич продолжал между тем «свистеть», будто Степаныч вчера родился, – о сопротивлении, ещё о чём-то. До Степаныча с трудом доходили слова: он думал теперь о другом. Перестроились, называется. Лучше бы совсем ты, начальник, не приходил. Степаныч не в обиде.

– Выходит, мне сидеть придётся? – спросил он вдруг, игнорируя какой-то вопрос.

Полковник выпятил губы. Трудно сказать. По всей вероятности. И вообще он в подобных делах маленький начальник. Вроде как не может он вмешиваться в уголовный процесс.

Степаныч качал головой, словно бы соглашаясь. Юристу ли не знать прописные истины. Николай Николаевич ушел. Степаныча вернули в камеру. Часа через два его вывели и стали «обкатывать».

– Куда едем? – спросил он у сержанта. – В ИВС?

– Нет, дорогой, на тюрьму сразу.

– Быстро он меня. Старается...

– Сам виноват...

Ещё часа через два его вызвал к себе следователь прокуратуры Абрамкин – веселый молодой человек, обиженный судьбой. Ему пришлось работать в неурочное время, сверх установленного графика.

– Виновен-невиновен, – частил он. – Можешь хоть что написать. У нас демократия. Не признаешь, значит? Так и напиши: не признаю собственную вину...

Степаныч писал собственноручно. Обрисовал всю ситуацию, а в конце попросил привлечь к ответственности следователя Бнатов к уголовной ответственности.

– Да-а-а, – протянул Абрамкин, – целое сочинение получилось. Закончил? Тогда до свидания. Завтра утречком поедешь в тюрьму. Не принимают теперь вечерами. А пока в камеру, на боковую. Потом увидимся, может. Распишись в протоколе-то.

Ефремов ни словом не упомянул о своей работе в милиции. К чему? Еще подумают, что просится на свободу. Он словно специально спешил следом за сыном. О собственной судьбе переживать теперь не приходилось.

Утром Степаныча повели в милицейскую автомашину. В коридоре его поджидала Серафима с сумками. Не приняли у нее передачу. Ни для сына, ни для старого мента Степаныча. Она опустила в углу сумки, бросилась к мужу. Однако ее подхватили под локти и оттеснили. Куда старухе тягаться с молодыми.

Степаныча и еще троих арестованных быстро посадили в машину и тут же выехали со двора. Не успел он спросить у супруги, что с Олегом. И следователь его, Абрамкин, тоже молчал, сославшись на некомпетентность и забитость жизнью.

В конце лета Абрамкин снова встретился со Степанычем и слепил уголовное дело в течение одного вечера. Предъявив обвинение, он допросил его в качестве обвиняемого и тут же объявил об окончании дела. Знакомся, гражданин Ефремов, если желание есть.

Однако в суд с первого раза дело не прошло. Содержание под стражей продлили еще на два месяца, потом предъявили дополнительное обвинение, после чего, наконец, направили в суд. От адвоката Степаныч отказался сразу: на платного денег нет, а от бесплатного как от козла молока. И даже еще меньше. А тут и зима настала.

И вот он суд. Строгий мужик глядит на Степаныча поверх очков и, кажется, готов испепелить взглядом. Такими же глазами он смотрит на потерпевшего Бнатова. В зале нет больше никого, кроме конвоя. В коридоре сидят две свидетельницы.

– Что скажет свидетель? – интересуется судья.

Женщина, запинаясь, рассказала о случившемся. Она хорошо помнила тот случай. Пакетик какой-то изымали, но подсудимый был в это время уже в наручниках. Откуда ей знать, как к нему попал наркотик. Да и наркотик ли это вообще, так что не может она сказать, что тот пришел с этим делом в кармане. Борьба была. Не отрицает она. И резину видела в руках у подсудимого. На лице у другого не видела. Такие, брат, товарищ судья, дела.

– Ваша честь, – поправил судья.

– Да, ваша честь...

Суд удалился на совещание. И через час вышел с приговором.

Учитывая курьезность случая и абсурдность обвинения, а также хорошие характеристики, приговорили Степаныча к двум годам лишения свободы. Условно. С испытательным

сроком на тот же срок. Обвинение в хранении наркотического средства полностью сняли. Даже сопротивление работнику милиции отменили. Осталось одно хулиганство.

– Из-под стражи подсудимого освободить немедленно, – звучал голос судьи.

Повезло Степанычу. Попадись ему женский пол в качестве судьи, ещё неизвестно, во что бы всё вылилось.

Конвой дождался выписки из приговора и отпустил бывшего арестованного. Редкий случай, однако не выдающийся. Бывает такое в жизни.

Районный суд помещался рядом с управлением внутренних дел. Степаныч вышел из суда, покосился на окна следственных кабинетов. Никогда бы не подумал, что возвращаться придется через столько месяцев. Дорога та же, зато окружение не то. Листвы нет. А под ногами теперь снег скрипит.

Денег в кармане не было ни копейки, поэтому в троллейбус он сесть не посмел. Это ничего. Вон и школа виднеется впереди...

Степаныч перевалил через порог. Сима задрала кверху брови, пустила слезу.

– Не плач, Сима. То ли еще будет...

Степаныч обнял супругу, а та оправдывалась: перепутала дни, поэтому в суд не явилась. Двое сидят за решёткой, какие уж тут мозги!

– Прости, Ваня...

Она снова прильнула к мужу. Еще бы сына вернуть, и можно жить не тужить. Но, кажется, крепко засел Олег. Дело уже два раза продлевали, а конца его всё не видно.

– Скидывай, Ваня, одежду – и в ванну. Пахнет от тебя...

– Тюрьмой...

– Как же нам дальше жить, Ваня? Ведь не за что посадили...

Степаныч молчал. Один раз он уже выступил, после чего залетел в следственный изолятор. Выходит, что пора привыкать к несправедливости... Или бороться, но по-другому...

– Что ж ты молчишь, Ваня. Скажи, что ты об этом думаешь?

Он бы сказал, но толком и сам не знал. Одно ясно: лишь холодный расчет способен привести к результату.

– Ну. Скажи, что ли...

– Что я тебе скажу. Поживем – увидим...

Глава 2

С утра раннего Степаныч был уже на ногах. Побрился, умылся и двинул в РУВД – засвидетельствовать почтение.

Начальник управления отсутствовал. Каракозов оказался на месте.

– А, Степаныч! Какими судьбами?!

«Притворился, подлец, непомнящим», – мелькнула у Степаныча мысль. А вслух прозвучало:

– Да вот. Откинулся недавно...

– Не понял юмора. Ты чо сидел, что ли? Серьезно? За что, если не секрет? Надеюсь, не за изнасилование?

– Одному хотел по рогам съездить, но промазал нечаянно. А жаль... Вчера из зала суда отпустили. Отмечаться теперь приходиться буду. Кто у вас на этом сидит?

Оказывается, сидела всё та же Ольга Борисовна Ципкина. Нрава начальница была необузданного и жестокого. Особенно, если дело касалось «контингента». Степаныч был для нее теперь тоже «контингент».

– Сын у меня тоже сидит... Под следствием, – продолжал Степаныч. – Суда нет до сих пор...

– Это от нас не зависит.

– Понятно, что не от вас...

В отношении данного факта Каракозов оказался наслышан. Как же ему не быть в курсе, если он только тем и занимается, что руководит уголовным розыском. Он ползал глазами по столу: сказать нечего, но и выгнать – не выгонишь. Все-таки вместе «пахали» когда-то.

– В общем, к Ципкиной ступай, – выдавил Каракозов, притягивая к себе папку с документами и делая вид, что начальству некогда.

Ефремов вышел из кабинета. Перед Ципкиной дверью остановился и прочитал расписание работы. В неприёмный день угадал. На всякий случай толкнул дверь и вошёл внутрь – вот он, пришёл, здравствуйте!

– Ты, что ли, дядя Ваня? – рявкнула Ципкина.

– Он самый.

– Чо тебе?

– Осудили меня...

– Етит твою! Как ты попался-то?! А-а! Вспомнила. С этим у тебя... Ну, ясно... Как Серафима твоя? Работает всё? На пенсии? Это хорошо. А я думала, она в школе своей. Детишек учит. Давай документы.

Степаныч протянул копию приговора. Ципкина прочитала и вернула. Мог не приходиться: приговор не вступил в законную силу. Через десять дней надо явиться.

– Я так пришел, – пояснил Степаныч. – К Каракозову зашел. Молодежь кругом одна. Никого не знаю...

– Да... Народ теперь у нас другой, – согласилась Ципкина. – Так что позже приходи, потом и поговорим. Иди, мне некогда.

Вот так. Быстро и без сантиментов. По крайней мере, понятно у подполковницы.

Ефремов вышел и побрёл коридором, шурясь на двери. Следственный отдел помещался в этом же здании. Степаныча туда не тянуло. Он не хотел встречаться с Бнатовым, хотя надо было узнать о сыне – слишком долго с ним разбираются. Серафима ездила недавно в СИЗО с передачей. Передачу вернули. Не хочет, сказали. Аппетит пропал.

Степаныч опустил на первый этаж и сел на скамейку рядом с просторным окном. Стекла смотрели во двор. На заснеженной площади стоял милицейский транспорт. Во двор

заезжали и выезжали гражданские машины, ходили в штатском и в форме люди – в основном, мужского пола. Никого из них Степаныч не знал. Сказано, молодёжь одна собралась. А те, кого и знал молодыми, теперь вряд ли признают в Степаныче прежнего Ваню.

Вот остановилась иномарка. Дверь отворилась, и на свет божий вылез полковник Прахов.

Ефремов внимательно посмотрел на государственный номер. Он не имел специальных признаков. Обычный общегражданский номер, выдаваемый для остальных смертных граждан. Выходит, это его собственность.

Бороздя взглядом по задней части машины, Степаныч несколько раз повторил номер и запомнил, после чего отвернулся. Начальник торопился внутрь здания. Надо было с ним хотя бы поздороваться, а в лучшем случае – поговорить. Долгое сидение в коридоре ничего не даст. Надо встать.

Он поднялся. Дверь грохнула.

– Здравия желаю, Николай Николаевич!

Полковник кивнул и, не сбавляя темпа, кинулся на лестничную площадку. За ним словно гнались.

– Вот и поздоровались, – кинул вслед Иван Степанович, потихоньку соображая. Ему никто теперь не имеет права сказать, что он не может здесь сидеть. Теперь он под наблюдением органов и может сюда приходить хоть каждый день. Узнать бы, на чём ездят здесь остальные чины. Ципкина, помнится, любила ходить пешком.

Через секунду с лестницы сбежала Ципкина.

– Чо ты стоишь? – бросила та на ходу.

– Начальника жду...

– Он же только что приехал!

Топая сапожками на тонких каблуках, Ципкина бросилась к выходу. Степаныч всерьез удивился: как могут тонкие каблукы держать такую кобылу?!

«Кобыла» на ходу достала из сумки ключи, подошла к «Ауди». Ошибся Степаныч, не ходит она теперь пешком.

Вот и Каракозов проскочил мимо. Видать, вызвали куда-то. Возможно, в областное УВД на ковер. Полковник подошёл к стоящему напротив окон «Мерседесу». Тот откликнулся на зов хозяина, мигнув огнями и подав звуковой сигнал. Он бы, может, даже завелся, прикажи ему Каракозов.

Дождавшись, пока Каракозов отъедет, Степаныч вышел из здания и направился домой пешком. Зимой он не ездил на машине. Та доживала свой век в бетонном гараже.

Не успел он миновать ворота, как его едва не сшиб Бнатов – тот летел на машине из-за угла, словно с цепи сорвался. По тормозам ударил, а машина прёт по льду. Осторожнее надо быть, господин майор!

А ведь собирался же Степаныч пройти калиткой. Но нет, потянуло воротами: пробираться через засыпанные снегом воротца не захотелось. Так и трупом недолго стать. Тебя же и обвинят потом. Скажут, шёл с раскрытой «варежкой».

Старший следователь ездил тоже на иномарке. Темно-синий «Фольксваген» у него. Новехонький.

Степаныч качал головой. Так отстать от жизни мог только он. Ушёл из одной милиции, а пришёл в другую. Контраст очевиден. Но не мог он слоняться, как некоторые. Да и другие теперь тоже не каждый день приходят. Раньше можно было «пузыря» раздавить, запершись в кабинете, поговорить по душам. Теперь нет. Бутылку с тобой разопьют, но говорить по душам не станут.

Ефремов вернулся домой. Полдня потратил. И всё для того, чтобы понять: не по средствам живут ребята.

– Иди обедать, Ваня, – позвала Серафима.

– Иду, – ответил он, но с места не сдвинулся. Результаты наблюдения оказались потрясающими.

– Идешь, что ли?! – повысила голос Серафима.

Третьего раза дожидаться Степанычу не следовало. Он двинул на кухню, однако не дошел: в дверь позвонили.

Степаныч приблизился к выходу и посмотрел в глазок. За дверью стоял какой-то мужик. Физиономия, как у японца. Из тех, что занимаются борьбой сумо. Глаза от жира заплыли. Не видно даже, как моргает. Откроешь дверь, потом думай, как закрывать.

Степаныч положил в карман сапожные клещи, лежавшие в прихожей на тумбочке, накинул цепочку, отворил дверь.

– Не узнал, что ли?

– Японский Царь!

– То-то же!.. Меня вообще теперь никто не узнает...

– Заходи, Саня. Очень рад...

Это был Царев. Он вошел, заняв собой всю прихожую, и продолжил:

– Я тут краем уха услышал... Говорят, накатили на вас. Рассказывай.

– Садись обедать. Потом расскажу.

Царев снял куртку и остался в одной футболке. Не брал его мороз.

– Помнишь, Сима, Саню Царева? – радовался Степаныч. – Борьбой вольной занимался...

Супруга, естественно, помнила. Она открыла холодильник и вынула оттуда бутылку водки.

– У меня своя с собой! – вспомнил Саня и вскочил из-за стола.

Лучше бы он этого не делал. Чуть стол не опрокинул.

– Не надо, Саня! – молила Сима. Однако Саня был непреклонен.

– Вам же потом страдать... Вы же не успокоитесь. Начнете вспоминать...

Сима всхлипнула. Думы о сыне не давали покоя.

– Разберёмся, не плачь, – тронул ее за плечо Степаныч.

– Ага, разберёмся. Сам только вышел...

– Всё равно разберёмся.

Ефремов разлил по рюмкам.

Они выпили. Саня громко крикнул.

– Они ведь и мне подкинули, когда связали, – говорил Степаныч. – Может, в наше время было всё так же... Может, мы позабыли?

– Да что ты, Иван!

Царев уставился на него.

– Чтоб на иномарках ездить, никакой зарплаты не хватит, – продолжал Степаныч.

– Живут, будто завтра потоп, а им об этом точно известно – вот и наслаждаются... Кому пакетик, кому пистолетик... Попробуй, отвертись... А прокуратура молчит!

– Хлещут из одного стакана...

Сослуживцы умолкли. Что тут скажешь?

– Беднякова помнишь? – спросил Саня.

Как можно о нём забыть?! Иван помнил командира отделения.

– Умер, – произнес Саня. – Давно дело было. По осени.

Саня лишь констатировал факт.

– А Мишу Волкова?

Ефремов молчал, ожидающе глядя.

– Тоже ушел. С неделю назад... Так что от нашего дивизиона остаются рожки да ножи.

– Да-а...

Царев и Ефремов служили когда-то в оперативном дивизионе, подчиненном областному УВД. Позже именно дивизион оказался базой, на основе которой был создан ОМОН. Все они выходцы из ОМОНа. Степаныч был там позже на командной должности, командиром взвода, затем начальником штаба. За восемь лет до ухода на пенсию перешел Степаныч на «территорию», переведясь в следственный аппарат. Везде были свои трудности, однако не подличал человек в мундире.

Степаныч рассказал о событиях последнего времени, упомянув фамилию следователя.

– Ему надо морду набить, – решил Царев. – Где он ходит?

Степаныч пожал плечами. Караулить Бнатову не входило в его планы. Под горячую руку – куда ни шло, но чтобы специально – это уж слишком. До сих пор тухлая камера снится.

– Вот я и говорю, – мечтал Саня. – Сезон мордобития... По снегу да по пороше оно как раз будет...

Саня набычил голову, шевельнул плечами.

Серафима сидела ни жива ни мертва. На войну собрались. Ладно Царев. Случаем упадет на кого – насмерть задавит. А этот куда?

– Машина понадобится, – говорил Степаныч, наполняя рюмки.

– Адреса! Чтобы ни один гад не выскользнул!

Степаныч сжал губы на манер сковородника. Он пока что не знал, кого в точности следовало отнести к виноватым.

– Но это же проще простого! – удивлялся Царев. – Всё, что нажито сверх оклада, есть доказательство преступного обогащения...

У Сани от выпитого – ни в одном глазу. Ничего странного: алкоголь распространяется на килограмм веса. А килограммов у Сани... Молодец, что пришел. Умница, что не забыл, что говорит сейчас с Иваном и даже готов пойти в одной упряжке.

– Кроме того, – планировал Саня, – потребуются еще три человека. Или четыре...

Размахнулся! Но чем больше людей, тем меньше гарантия, что всё будет шито-крыто.

– Таких же, как и мы, – пояснил Саня. – Один такой уже есть. Обиженный. Ему летом медаль вручали. Двести лет МВД. Пригласили по телефону в отдел кадров: зайди на днях, мол, вручим. Приходит – в кадрах дура одна возьми и скажи: «Год цельный обзваниваем, а вы всё не чешетесь!.. Чо тянете?!» Да, знаешь, с надрывом так, будто он ей мужем приходится. Этот возьми и скажи: «А не пошла бы ты козе в трещину! На передках в рай въехали – и туда же, в критику!» Короче, он любитель крепкого выражения и за словом в карман не полезет – что думает, то и лепит... Скандал возник грандиозный. Пятнадцать суток схлопотал – веришь ты или нет?!

– Верю... У нас теперь как в Греции – все есть...

Ефремов взял со стола бутылку.

– Мать, ты меня не жури. Я сегодня как из разведки вернулся.

Сима не противилась. Мужики правы. Их достали за живое – вот они и задумались. Завтра они протрезвеют, и старческий пыл, подогретый алкоголем, улетучится.

– Я полностью согласен, – говорит Степаныч. – Мне эта жизнь вот где. – Он чиркнул себя ладонью по горлу. – И времени у меня теперь достаточно. Свободен, как ворона на суку. Меня же с работы уволили. Какой я теперь охранник? Ведь там оружие, а я с «кичи» откинулся, бывший зэк.

– Короче, у того мужика машина подходящая. «Уазик»... – Японский Царь разрабатывал тактику. – По бездорожью в самый раз будет. Плюс твоя машина. У меня тоже таратайка на ходу. Будем транспорт менять, чтобы нас не заметили раньше времени...

– Кому вы нужны, чтоб вас вычисляли...

Сима не верила в серьезность намерений.

– Тогда подняли и вздрогнули. – Степаныч взялся за рюмку.

Вечер наступил незаметно. Пора расходиться. Или бежать ещё за одной по старому обычаю. Но это уже будет явный перебор. В особенности для Степаныча. Поговорили, и то хорошо. Теперь каждый месяц году равняется. Потому что стареет человек.

– У тебя есть оружие? – неожиданно спросил Степаныч.

– Есть, – не задумываясь, ответил Саня. – Оно у меня всегда с собой. Вот.

Он сжал волосатый кулак.

Сима рассмеялась. Пистолет настоящий!

– А что? Одним выстрелом сразу двоих можно, – моргал японскими глазами Саня. – Лбами друг о друга если...

Он допил остатки и засобирился домой.

Серафима Семеновна собралась вместе с мужем проводить гостя – надо же на троллейбус человека посадить.

– Кто у нас третьим будет? – спрашивал Степаныч.

– Увидишь...

– Ну, все-таки?

– Пока не могу ничего сказать. Вдруг он откажется. Будь дома и жди. Мы к тебе завтра заедем. Договорились?

Естественно, без проблем! С пьяных глаз Степаныч в космос готов лететь. Несмотря на то, что условная мера в биографии. Как родимое пятно. И хрен с ним, с пятном, если речь о главном. О принципах! Ими, как известно, не поступают. Нельзя ими жертвовать в угоду обстоятельствам. Их, если что, отстаивать надо.

– Помогая другим, забываешь о себе, – заявил вдруг Саня. – Вот сейчас и подошло тот самое время, когда надо о себе подумать.

Степаныч молчал, слабо кивая. Ему бы лечь, но надо проводить гостя.

– Пошли, что ли?

– Конечно, двинули...

На улице стояли потёмки. Троллейбуса долго не было. Саня сучил кулаками у Степаныча перед носом. Жаль, не было под рукой подходящей физиономии. Было бы на ком проверить исправность оружия.

Рогатый транспорт наконец подошел. Саня ступил в него, и троллейбус качнулся.

– Ловите меня на слове, дорогие мои! – гремел он, оборачиваясь. – Я слов на ветер не бросаю!

Неспроста Царев ввязывался в это дело. Было в его речи что-то, чего Степаныч пока что не мог понять.

Глава 3

Старший следователь Бнатов вторую половину дня целиком посвятил сексуальным утехам. Мероприятие сулило свежий импульс, иначе жизнь могла превратиться в сплошной кошмар. С этой целью Александр Сергеевич и ещё трое знатоков прибыли в лечебный центр «Волга». Среди знатоков оказались два старших опера – Исаев и Пахомов, и, как всегда, старший прапорщик Жора, помощник Бнатова.

Компанию поджидала четвёрка девиц, одна из которых была всех моложе – торговка из киоска. Девушка не приучена к обычаям, так что ее предстояло обкатывать по ходу пьесы.

– А ты что стоишь, как свидетель? – крикнул Бнатов помощнику. – Ложись на массажный стол – тебе хоть массаж сделают.

Жора ходил как неприкаянный. Живот выпирает. Плечи скворечником. Он взял веник и отправился в парную. Девица, что по «раскладке» принадлежала ему, потянулась следом.

Бнатов подступил к торговке:

– Ну что, поехали, Наденька?

Он погладил добычу по животу. Девушка лежала на деревянной скамье для мытья, отвернув голову к стене. На неё, как видно, не действовал даже выпитый перед этим коньяк.

– Поехали, что ли?!

– Как хотите, Александр Сергеевич. Я вся в вашей власти.

– Тогда расправь ножки, а я разбежусь.

Однако разбежаться не стал. Подошел с краю, опустился на колени и ввел своего «дурака».

Надежда ойкнула, словно ей сломали там что-то.

Бнатов не обратил на это внимания. Мало ли причин, из-за которых женщина вскрикивает. Это может быть всего лишь каприз дикой кобылы. Девятнадцатый год дуре, а понять не может, что она нужна ему. Бнатов станет для нее покровителем. На всю оставшуюся жизнь. Именно так.

– Ну что ты лежишь, как доска. Поймай меня хоть за уши, обними за плечи, – учил Александр Сергеевич. – Я ведь на коленях стою. Могу упасть.

Александр Сергеевич даже всхрипнул от находчивости.

Но партнерше не до смеха. Сексуального опыта нуль. Откуда ей знать, чего от неё хотят.

– Перевернись теперь на коленки...

– Как это? – недоумевает та.

– Ногами вниз...

Бнатов помог девушке подняться, положил вниз животом и вошел сзади.

«Слава богу, – подумал та с облегчением. – Хоть не в зад...»

У Бнатова под коленями лежит куча веников. Ветки врезаются в коленные чашечки. Вот он, импульс! Он опять будет сюда приезжать. На то и дана жизнь, чтоб наслаждаться.

– Тебе хорошо со мной? – спрашивал он девушку

Но та предпочитала молчать. Понятно. Опыта никакого.

– А если я забеременею? – вдруг спросила она.

Бнатов пропустил вопрос мимо ушей. Беременность не в его компетенции. Он вынул «дурака» и ужаснулся: живот и бедра испачканы кровью.

– У тебя месячные, что ли? Почему не сказала?!

Он бросился под душ. Ничего страшного. Была кровянка – и нет её больше. Намылил обе головы – умную верхнюю и глупую нижнюю, и стоит, наслаждается водяным потоком.

Убрал с лица пену: партнерша лежит на боку, переживает.

– Иди, – позвал ее Бнатов. – Постоим под душем...

Та поднялась, осторожно приблизилась. Не хочет, но идет. Как кролик к удаву. А куда она денется. Не для того её сюда приглашали, чтобы смотреть. Груды торчат, как у козы. Это хорошо. Молодая. Незамужняя. Выходит, без претендентов.

Встали вдвоем под душ. Бнатов повернул её головой в угол и, слегка нагнув, вновь вошел сзади. Девушка вскрикнула, но это лишь распалило его.

Потом Бнатов пошёл отдыхать.

Надежда осталась под душем. Её трясло, плечи вздрагивали. Она пыталась себя унять, успокоить. Никто не виноват, сама решила на этот шаг...

Ближе к ночи команда закончила процедуры. С мокрыми волосами и порядком навеселе они оделись и вышли к машинам.

Директор заведения провожал от двери:

– Всегда рад, Александр Сергеевич! Приезжайте, не забывайте...

Машина тряслась перелеском. Бнатов думал о своём. Не последнее место занимает он в управлении. Его положение не зависит от штатного расписания. Если прикинуть хрен к носу – а Бнатов давно прикинул, – место у него теперь второе. После Прахова. Несмотря на то, что между ними стоит Каракозов со своими полковничьими погонами. Все зависит от вклада в общее дело.

Давно сбилась милицейская бригада. Со дня независимости. В тот день они сговорились во время выпивки на лесной поляне. Они вдруг поняли, что надеяться можно лишь на себя. Бандиты пытались заявить свои права в их районе. Пришлось принимать срочные меры. В результате на местном кладбище появилось сразу несколько свежих могил. Вначале туда улёгся главный спортсмен района с двумя товарищами. Марат стоял в окружении друзей у дома матери, в частном секторе, и мирно беседовал. Рядом с домом были припаркованы крутые тачки. Мимо гудели троллейбусы, автобусы и другой автомобильный хлам – Марат даже не обращал на них внимания. Пробки в этом месте частое явление. И когда с дороги свернул мотоциклист с пассажиром, они лишь слегка посторонились, чтобы дать проехать. Люди решили объехать, только и всего.

Мотоциклист притормозил. У пассажира возник в руках пистолет, из которого полыхнули торопливые выстрелы. Мотоцикл метнулся прочь, вилля между машинами. Через секунду его не стало. В результате нападения – три трупа. Ни один из раненых не выжил.

Следом за Маратом ушел Студент. Тот напрямую пытался торговать наркотой. Пуля оставила его у собственного коттеджа. Студент приехал посмотреть, как идут дела со строительством. Коттедж так и остался недостроенным.

Ни к первому случаю, ни ко второму милиция отношения не имела. Докажите, что это не так. Не имела она отношения и ко всем остальным случаям.

Народу в милиции много. Бнатов внутри учреждения практически незаметен...

Темно-синий «Фольксваген» пер на всех парах по частному сектору, когда на пути вдруг возникла фигура, похожая на медведя. Медведь сбежал из зоопарка и встал на дыбы. Бнатов с трудом поймал педаль тормоза и ушёл в сугроб. Не хватало машину драть о «медведей».

А медведь тем временем уже лезет в машину, норовя оторвать дверь.

– Чо те надо, козлиная?!

А тот молчит. На морде чулок капроновый. Распахнул дверцу, Александра Сергеевича цап за ворот, вытащил как пушинку из салона и прижал к машине.

– Поговорить надо...

Позади тормознул Пахомов. Сергеича бьют!

Гурьбой накинудись на «медведя» и стали дубасить. Замечательная разминка после отдыха. Вчетвером едва одолели. «Медведь» свалился в сугроб.

Надежда выбралась из машины. «Медведь» лежал в снегу, не подавая признаков жизни. Что они с ним сделали?

– Пусть дозревает, – пыхтел, отдуваясь, Пахомов. – Поехали, пока менты не явились...

Надя вздрогнула: кто эти люди, если они боятся каких-то ещё ментов? Она нагнулась и в разбитом лице «медведя» узнала деда – тот постоянно следил за ней в последнее время. И вот лежит теперь. Рядом лежит в снегу капроновый чулок. Что ей делать? Орать? Звать на помощь? Но тогда она точно лишится его. Надо молчать.

– Пойду я. Тут рядом, – схитрила она.

Пахомов полез за пазуху, вынул пистолет:

– Не надо! – вскрикнула Надя.

– Оставь его, – велел Бнатов.

Пахомов подчинился, убрал пистолет.

– Дальше я сама доберусь. – Надя развернулась к дедову дому. – Прогуляюсь. Что-то голова кружится...

Хозяин – барин. Бнатов отряхивал брюки от снега. Не пропадай. И звони. Каждый день...

– Хорошо...

Наденька сделала ручкой: всего хорошего, господа удавы. И поспешила за угол, слушая звук моторов. Кажется, уехали.

Она вышла из-за угла: никого. Выхватив из кармана баллончик с газом, побежала к деду. Только бы жив оказался. А того уже нет. Лишь далеко за углом мелькнула чья-то фигура. Только бы это был дед.

Каблуки вязли в снегу и грозили обломиться. Дед продолжал идти, не оглядываясь. Возможно, ему повредили слух. Стой, старый крендель!

– Дочка? – Дед звал её именно так. – Ты, что ли?

– Идем, деда, домой. Дай я тебя отряхну...

Вдвоём они добрались до дома, вошли внутрь, и тут деду стало плохо. В паху возникла сильная боль, переходящая в ломоту. Дед лез на стену. Надя по телефону вызвала скорую помощь, и уже через полчаса они сидели в приёмном покое.

Дед лежал на каталке и бормотал:

– Сам разберусь. Понятно тебе? Скажу, сам упал... Поскользнулся, растянулся на льду. Иначе приедут, станут допрашивать. Знаю я этих. А там, глядишь, совсем жизнь укоротят...

– Я буду ждать окончания операции.

– Ступай домой... Силы ещё понадобятся...

Часа через два к Наденьке вышла операционная сестра.

– Вы Надежда? Идите домой. Всё хорошо. Зашили сосуд в паху...

Слава богу. Надежда вышла из больницы. Автобусы и троллейбусы уже не ходили. На выходе из больничного городка виднелось такси.

– Куда прикажешь, красавица? – спросил темнолицый мужик. – Мигом доставлю.

– До «Волжанки»... Там я сама доберусь.

– Зачем так! Доставим до места.

Надя села в машину. Мужик придавил педаль газа и понёс её мимо парка. Через десять минут она уже была на месте. Света в окнах квартиры не было: отец с матерью спали. Пусть спят. А там видно будет.

Не успела раздеться – мать из спальни вышла. Взлохмаченная. Видно, приснилось что-то. Если покойник, то, скажет, к дождю. Если вши, то к большим деньгам или крупным подаркам.

– Где тебя носит?..

И прошла мимо на кухню – в горле промочить.

Надежда продолжала молчать.

- Оглохла там, что ли? – спрашивала мать, глотая воду.
 - Что я, маленькая, что ли?
 - Отвечать надо, когда тебя спрашивают!
 - У Маньки задержалась...
 - От рук отбиваться стала. Утром с тобой отец поговорит.
- И подалась в спальню доглядывать сон.

Глава 4

Утром Иван Степанович проснулся рано и лежал с открытыми глазами. На улице пока что стояли сумерки. Вчера, проводив Царева, Степаныч думал, что утром от выпитого будет болеть голова, но организм справился с испытанием. Значит, ещё не всё потеряно. Не зря он всё это время, как ушёл на пенсию, занимался физкультурой. На занятия в секцию ходил. Секция называлась: «Назад к природе». Преподавал в ней какой-то полубандит. Как бы то ни было, Степаныч достиг определенного результата и даже научился садиться на «спортивный шпагат», а также бить противника ногой.

Степаныч встал и пошел на кухню. Выпил водички, затем направился в ванную – бриться и чистить зубы. В любой момент мог раздаться звонок. Экипировка зимняя. Сапоги теплые. Если Царев проспит, то надо его разбудить... Ведь кто-то вчера про победное шествие ветеранов мечтал... Передумал? То-то же... Не надо раньше времени клювом щёлкать...

Степаныч и зубы успел почистить, и кофе выпил, и даже кровать заправил. А звонка всё нет.

Сима ходила по квартире с завязанной головой. Напилась вчера вместе со всеми. И всё потому, что пожалела Степаныча, чтобы ему меньше досталось. Теперь Степаныч на высоте положения, а Сима страдает.

– Давай я тебя вылечу, – предложил Степаныч.

– Как это?

– Надо накинуть на голову крепкую повязку. И медленно закручивать. С помощью рычага...

– Смешно тебе...

Сима упала на диван и закатила глаза. Кто бы знал, как ей тяжело. Никогда она больше не станет поддерживать сомнительные компании. На дачу съездить – всегда, пожалуйста. Но чтобы пить – это уж извините. Три рюмки, которые изменили мир...

– Еще один способ есть.

Сима посмотрела жалобными глазами.

– Лечить подобное подобным.

– Ой, как мне тяжело. Старая дура.

– Какая же ты старая, Сима? Ты девушка в расцвете сил.

Степаныч нарезал круги по квартире. Давал о себе знать выпитый кофе. Документы на машину и ключ от гаража положил в карман. Боялся, жена заметит. Так и случилось.

– Куда собрался?

– Картошку посмотреть надо. Заморозили было в прошлом году.

– Было не считается! Если бы морозы были...

Степаныч остановился и произнес с придыханием:

– Если бы бабушке да хреновину между ног – она была бы дедушкой!

В самую точку угодил.

– Отправляйся тогда!

– Не видишь, с мыслями собираюсь! Вдруг что-нибудь забуду. Придётся назад идти...

– Ну, думай...

На самом деле Степаныч ждал звонка от Царева – не зря тот блеснул вчера глазами. Но тот, может быть, всё ещё спал. Тело большое. Пока выспится...

Степаныч ушел на кухню, включил репродуктор, но там передавали рекламу. «Противозачаточные средства – спасение для молодого поколения». И рука сама повернула рычажок в обратную сторону. Придется звонить. Он придвинул к себе телефон и посмотрел на часы. Шел десятый час. Пора будить. Пальцы побежали по кнопкам.

«Царский» телефон молчал. Конечно, пока Царь проснется, пока поймёт, что ему звонят, опустит ногу, а затем вторую – это же целая вечность пройдёт. Надо ждать.

Степаныч ждал с минуту и опустил трубку. Ушёл, может быть, в туалет. Пока эта куча опорожнится тоже... Кроме того, с утра его может понести по магазинам. Живёт человек один. Хозяйство на плечах.

– Кому ты звонил? – молвила Сима.

Услышала. Будет теперь докапываться.

– Хотел узнать, как здоровье...

Степаныч поднялся, накинул куртку:

– Никого в квартиру не пускай!

– Кого я могу пустить?!

– Знаем мы ваших... Если что, звони на мобилу.

Ефремов вышел из подъезда и пошёл в сторону гаражей. Выходил приличный крюк, зато Сима теперь точно не знала, что Степаныч идет к товарищу.

Через полчаса он стоял в частном секторе перед домом Царева. Ворота на запоре. Нажал на кнопку и долго держал. Помнится, звонок у Царя всегда был в исправном состоянии. Его Величество за этим делом строго следил.

Палец устал держать мёрзлую кнопку. Никто к Степанычу так и не вышел. На дороге отпечатался след машины. Надо спросить у соседей.

Но соседи ничего не видели и не слышали. К дочери ушёл, может. Тут же рядом. Напротив торгового центра как раз.

Степаныч пошел в обратном направлении. Ему приходилось бывать у Саниной дочки. Подошёл к дому, поднялся и позвонил в квартиру. Женский голос из-за двери спросил:

– Кого надо?

– Александра Царева мне. Это Иван беспокоит. Товарищ по службе.

Степаныча разглядывали через глазок. Потом дверь открылась.

– Здравствуйте, – начал Степаныч. – Вчера договаривались встретиться, а его нет. Может, заболел...

– В больнице он. Операцию сделали.

– А я названию... В какой он палате? Что с ним?

– Поскользнулся, упал. Сосуд повредил...

При таком весе немудрено. Надо будет навестить.

Степаныч извинился и вышел. Дочь Царя не помнила гостя. А может, она прикидывалась. Они ведь бывали в этом доме. И не раз. Правда, весьма давно. После двадцатого заходили «пузыря» раздавить.

Степаныч пришёл на остановку, вошёл в троллейбус и вскоре уже был в вестибюле больницы. Сунул под нос тётке красную корочку и побежал наверх, не дожидаясь лифта. Вбежал на пятый этаж и остановился у входа, словно мореный таракан. Тяжеловато, однако, с непривычки. Прошёл до сестринского поста, и лишь тут на него обратили внимание. Стоп, господин хороший! Куда изволите?

– Царева мне!

Степаныч опять показал удостоверение – в стандартной милицейской обложке с золотым гербом и надписью «удостоверение».

В удостоверении значится звание. Попробуй, разберись, кто перед тобой стоит на самом деле.

– Пара вопросов, надеюсь, не утомят? – спросил Ефремов.

– Пройдите. Но имейте в виду...

Царь лежал у окна. Во взгляде – томление. Под глазами – круги, словно колёсики от детских грузовиков, с чугунным отливом. Сильно, видно, ударился. Причём несколько раз. И не об лёд, а как минимум о чей-то ботинок. На лице всё написано.

Саня протянул левую руку. Правая оказалась опухшей.

– Здравия желаем... – Степаныч покосился в сторону остальных больных. – Рассказывайте.

– Чего рассказывать-то?! Шёл! Упал! Песочком надо посыпать дорожки, начальник!

Он был недоволен местной властью. Пешеходы калечатся, а властям хоть кол на голове теши.

Народ из палаты один за другим вышли.

– Короче, слушай. – Глаза у Сани едва виднелись среди отекавших век. – Внучка попалась одному в лапы – никак не вырвется. Ты его знаешь... Потому и приходил я к тебе.

Царев отвернулся к окну и заплакал. Никогда не видел его Степаныч таким.

– Кто он?

– Который тебя закрыл. Возьми-ка вот адресочек. Свой человек... Вместе обсудите. Без меня.

Он сунул пальцы в карман рубахи, вынул удостоверение. В нём лежала четвертинка бумаги в клетку.

– Он моложе нас будет... Тот самый, о котором мы вчера говорили. Награжденец. Пятнадцать сутками удостоили... По случаю двухсотлетия... ..

На лице у Царева мелькнуло подобие улыбки.

– Продолжай.

– Хотел миром обойтись... Смотрю: едут. Дай, думаю, остановлю. Наверняка, думаю, внучка у них там сидит. Они вылезли – и давай... Свалили, естественно. Ногами обработали, как положено. Напоследок один саданул, лежачего, с разбегу. Сосуд лопнул.

Царев показал пальцем в бумажку и продолжил:

– Остальное у этого типа спрашивай... Он в курсе. Теперь иди и не приставай – я болеть буду...

– Может, тебе принести? – спросил Степаныч и напугался. Человек после операции. Можно сказать, с того света, а тут ему предлагают.

– Вечерком... Заодно доложишь о проделанной работе. Апельсины принес? Положи в тумбочку...

Ефремов вышел из палаты и направился к выходу.

В вестибюле развернул записку. В ней значился телефон и странная аббревиатура: «К.С.А.». Степаныч вынул мобильник, набрал номер.

– Карманов слушает! – прогремело в микрофоне.

Точно! Как можно было его забыть?! Это был Сергей Анатольевич!

– Здравствуй, Серёженька, – запел Степаныч. – Ефремов беспокоит... Может, ты помнишь такого?!

– Обижаешь, слушай...

– Я из ЦГБ! Царь после операции здесь лежит! Подробности при встрече. Как у тебя со временем?

– Без проблем... Запиши адрес.

Карманов диктовал. Степаныч про себя повторял. Чем больше повторишь – тем лучше запомнишь.

Ехать пришлось в Новый город. Добравшись троллейбусом до проспекта Созидателей, Степаныч вышел. По указанному адресу оказался детский садик. Осталось найти в нем

охранно-детективное агентство «Скорпион». Вот и агентство. Портрет Шварценеггера над входом – злых духов отпугивать. Табличка на двери. Директор Карманов.

Выходит, бывший опер после ухода на пенсию создал охранное предприятие. Вложил в дело все средства, полученные во время увольнения, – двенадцать должностных окладов.

Карманов был моложе Ефремова. Потому и ушел позднее.

– Так это тебя на пятнадцать суток оформили? – напрямую спросил Степаныч.

– Дезинформация... Всего на семь. Но не каюсь. Я высказал им всё, что о них думаю. Тебя, говорят, тоже нагнули...

– Было дело.

Карманов продолжил говорить о своем, наболевшем. Дело в том, что Садыков обнаглел по всем направлениям. Обложил оперативников данью. Попробуй, не принеси в конце месяца!

Степаныч переспросил. Тот ли это Садыков, что стоит над областным розыском? И не ошибся. Тот самый. Которого по молодости Степаныч учил писать рапорта. Полковник совершенно теперь ничего не боялся, считал себя осью, вокруг которой остальные должны крутиться с заданной скоростью.

– Поэтому я уволился, – продолжал Карманов. – Решил агентство открыть – ведь у меня опыт. Так нет же! Они мне палки в колёса... Пришлось в суде доказывать, что обладаю опытом, знаниями. Не веришь, можешь в суде узнать. Судья Максимов разбирался.

Степаныч всегда надеялся на Карманова. Не верил он теперь лишь в РУВД.

– Выходит, у них там подобие раскола?

– Ничего подобного! Они едины как никогда! Недовольные ушли, а эти проводят в жизнь политику «партии». Бандиты в подполье. Задавили их менты. Вес не тот. Кому наркоту подсунут. Кому пистолет засвеченный. Попробуй, отмойся. Пока суть да дело, а время бежит. У них даже общак свой имеется, а прокурор, чтоб ты знал, ходит теперь под ними. Ты его знаешь. Докукин его фамилия. Тот ещё комбинатор... Короче, от них теперь один вред. Докукина Жидким зовут. Во все щели просачивается. Без вазелина...

– Теперь понятно, почему им сходит с рук. Перевертыши...

– Как их ни назови – всё одно – чёрт лохматый! Но хватит об них. Что у тебя-то? Рассказывай...

Пришлось Степанычу пересказывать о себе полную историю, включая вчерашний день.

– Эдак они нас совсем упакуют, – закончил он. – Мы же ничего собой не представляем.

– Как это вдруг ничего?! Ты следак, я опер. Царев в ОМОНе служил. Неужели мы всё забыли?

– И что?

– Морду начистить, и то за счастье. За себя и за того парня, который в больнице лежит. Прямо сегодня...

Карманов поделился подобием плана. Встречаешь у квартиры, допустим, того же Бнатовая и спрашиваешь, нет ли у него закурить. Главное – остановить. Потом бьешь по ушам, а когда свалится – пинаешь в селезенку. Можно и между ног, чтоб на баб не прыгал... Не приставят они к каждому «обиженному» роту охраны. Главное – собрать информацию: время работы, график дежурства, место жительства.

– И пороть, пороть, пороть... – заключил Карманов. – Хоть каждый день, потому что порка – святое дело, можно сказать. Не зря предки практиковали... Зато «шкура» станет дубовая, хотя и в рубцах! Что еще? Да, имеется еще один доброволец. От ФСБ, между прочим.

– Сегодня будет неудобно, – усомнился Степаныч. – Сегодня надо больного навестить.

– А никто не настаивает. Значит, говоришь, вечером приглашал к себе?

... В седьмом часу Степаныч как штык стоял в вестибюле, выискивая в толпе Карманова. В расстроенных чувствах он уже решил подняться на пятый этаж, как услышал вдруг сбоку:

– Закурить не будет?

Рядом стоял сморщенный тип – прозеленел весь насквозь.

– Не курю, – великодушно произнёс Степаныч. – И вам не советую.

– Фильтруй базар... – угрожающе произнёс тип. Хорошо советовать, когда сам не куришь, но если ты куришь, то советы выглядят вызывающе.

Глаза у мужика налились кровью. Какой, однако, первобытный тип. Стоит рядом и не отходит. Второй к нему подошел и спрашивает:

– Долго нам ещё здесь торчать?

Степаныч второго где-то видел. Но где, не помнил.

– Неужели, не узнал, Степаныч? – спросил первый, щеря прокуренные зубы.

Карманов. Паразит. Разве так можно шутить!

– Идём к больному. Заждался, поди...

Втроем они поднялись на этаж и вошли гурьбой в палату.

– Куда так много? – визжала медсестра.

Курильщик вынул удостоверение и протянул: служебная необходимость, знаете ли. Нужно отдельное помещение. И сунул коробку конфет, чтобы не скучала ночью.

– В столовую пройдите, пожалуйста...

Посетители прошли.

– Пригласите Царева, пожалуйста, – велел Карманов. – Ходячий? Уже оклемался? Быстро, однако. Ждём...

А сам посудой гремит в портфеле.

Дверь открылась, в столовую заплыл Царев, присел к столу. Повезло, можно сказать, прошлой ночью. Хирург попался что надо. Мирового класса. Скоро швы снимут.

– Не торопись, – осадил его «курильщик». – Лечись как следует...

– А ты кто такой? Назовись.

– Карманов я. Неужели трудно понять?..

– Теперь узнал. По глазам... Блудливые они у тебя!

– Короче, тебе можно коньяк или нет? – перешёл к делу Карманов. – Как ты себя вообще чувствуешь?

– Хорошо чувствую. Наливай. Если чего, до палаты доползу.

Ему плеснули в граненый стакан. Больной выпил и закусил апельсином. Замечательно. Кровь побежала по жилам.

– В общем, лечись помаленьку. Не торопись, – учил старого молодой Карманов. – А мы примем меры. – Он ткнул пальцем в окно. – Слушай радио. Читай газеты. Может, ты мерзнешь здесь? Одеяло тебе принести?

Оказалось, не надо. Утром у него были зять с дочерью и внучка. Вот о ком позаботиться бы. Короче, наливай по второй...

Глава 5

Половина декабря ушла на подготовку. Вначале занялись транспортом. Одному следовало зарядить аккумулятор. Второму шины поставить зимние, чтобы не скользить как корова на льду. Подозреваемых набралось целых пятеро. И вот он настал день. Точнее, вечер. Бывшие менты, включая работника ФСБ Виноградова Евгения, сидели в машине у прокурорского дома и смотрели по сторонам. Курить нельзя. Можно лишь клювом слегка щелкать и моргать. Первым прокурора заметил Виноградов. Молодой. Зрение у него острое.

– Вот и Жиденский наш плывет, – сказал он обыденным голосом.

Жидкий вышел из машины и, косясь на стоящий в сторонке «уазик», направился к подъезду.

– Товарищ Докукин?! Вас к рации просят, – произнес молодцеватый голос.

У дороги стоял молодой человек и указывал в сторону «уазика».

Прокурор сверкнул глазами. Около дома застали, паразиты, – значит, что-то серьезное.

– Ну-ну... – бурчал он, приближаясь к автомашине. – Какие еще в районе проблемы?

Дальше ему разговаривать не позволили. Моложавый легонько поддал под локти, и Докукин сам собой оказался на заднем сиденье. Машина рывкнула и поскакала, затем свернула на проспект Ленинского Комсомола, миновала мечеть и свернула в сторону Горелого леса.

На руках у прокурора теперь были тугие наручники, а во рту внушительный кляп – такой большой, что от напряжения немело горло и челюсти. Влага постоянно набегала, и не было никакой возможности ее хотя бы сглотнуть. Попытка избавиться от слюны причиняла страдание. В животе урчало. Куда везут? С какой целью? Для чего он понадобился, и кто эти люди? Молчат. Ни слова не проронили.

Машина несется безлюдной дорогой. В салоне темно. Давно миновали и Горелый лес, и село Архангельское. По обочинам тянется сосняк, бетонные будки. Отсюда качают воду для города.

Всё. Кажется, приехали. Машина сбавляет ход.

– Мы тут решили, – сказал тот же голос, – пора на покой. Достаточно выпил кровушки. Предоставляем последнее слово.

Последнее слово? После этого обычно следует приговор. Боже, они хотят с ним расправиться, в то время как настоящая жизнь только начинается.

Изо рта у него с трудом вынули кляп.

– Присосался...

– Я прокурор! – твякнул Докукин, захлебываясь слюной. – Вам хотя бы известно, на кого вы замахнулись?

– Не гунди.

– Что вам надо?

– Чтоб ты сказал последнее слово...

В животе у прокурора опять заурчало, нижняя часть вдруг сделалась неуправляемой. Он не мог больше терпеть.

– Хочу в туалет!

– Последнее слово произнесено. Снимите с него наручники, а то скажут, что мы нарушаем права человека.

Наручники сняли, но Докукин вдруг отказался выходить из машины. Он вцепился в поручень мертвой хваткой и выл по-волчьи. Ему казалось, что, оставаясь в машине, он сохранит себе жизнь.

– Выходи. Приехали...

Стальные руки вцепились в запястья, оторвали пальцы от поручней и дернули на себя. Жить осталось две секунды. Докукин валялся у машины и выл. Даже прощения попросить не догадался. Всё, на что он оказался способен – это протяжный вой. От жертвы шел запах.

– Обгадился, кобелина...

Но это лишь добавило сил.

К нему нагнулись, сунули в карман какую-то бумажку.

– Прочитаешь на досуге...

Он не ослышался. Его оставляли в живых.

Вновь нагнулись и сунули в карман табельный пистолет, изъятый в машине. Отошли в сторону, переговариваются. Закурили.

Докукин выхватил пистолет, передернул затвор и, не целясь, раз за разом нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

– Не исправить волчью породу. Говорю, в расход надо было, – скрипел голос.

Говорил страшный на вид мужик. Откинулся, видно, недавно – и за старое. Мстителем стал.

Над прокурором нагнулся один из мстителей:

– Думал, дадим тебе такую возможность? Ошибся ты, Жидкий. Срок тебе – до завтрашнего утра. Чтобы утром у прокурора области на столе лежало твое заявление. Об увольнении по возрасту...

Он поднес к лицу прокурора ладонь, в ней тускло блестели патроны, и швырнул наотмашь в снег – попробуй, найди, если сможешь.

– Ты понял, Жидкий, чего от тебя хотят?

Докукин кивнул.

Похитители сели в машину. Двери хлопнули одна за другой.

Прокурор остался в полном одиночестве – среди пустынной дороги, с бесполезным пистолетом в руке. Безмерная радость охватила его. Докукин вновь услышал, что скулит. Но звук его голоса теперь был иным. Он скулил от счастья.

Вдали еще раз мелькнули огни машины и окончательно скрылись за лесным изгибом. И тут до него дошло: облегчился под себя.

Не изменяя положения тела, Докукин дополз до предполагаемого места падения патронов и стал рыться в снегу голыми руками.

Он не чувствовал холода. Ему нужны боеприпасы. Без них он в лесу ничто. Под слоем пушистого снега оказался наст, так что патроны не могли глубоко провалиться. Нашел один, вставил в магазин и торопливо дослал патрон в патронник.

С трудом нашел еще три патрона, снарядил магазин и вставил в ручку пистолета. Теперь он вооружен. Теперь можно о другом позаботиться.

Он выполз из снега на дорогу, разулся, сбросил с себя суконные штаны. Затем, приплясывая на холоде, стянул с себя липкое белье, кое-как обтер сидалище и бросил прочь. Затем напялил брюки, надел ботинки. Ничего. Кто-нибудь должен ехать. Подвезут. Неправда...

Докукин постепенно разошелся и даже набрал «крейсерскую» скорость. Судя по километровым столбам, пять километров в час. Так быстро он давно не ходил. Он двигался, поглядывая на часы. Время словно застыло. Лишь к десяти часам он подошел к селу Архангельскому. Ноги с непривычки гудели. Два часа ушло на дорогу. Еще столько же уйдет, чтобы добраться до города. Хоть бы подвез кто.

Однако никому он не был нужен. Редкие легковушки не хотели в нем видеть человека. Шел второй час ночи. Скорость к этому времени сильно упала, но светлый город манил. Преодолев последние километры, Докукин вошел в подъезд и тут опустился на колени, собираясь нажать кнопку лифта. Но лифт не работал, и прокурор двинул вверх. Теперь на всех четырех.

Жена, с косматой волной на голове, нехотя отворила дверь. Господи Иисусе! Явился!

– Ванну мне! Быстро! – сипел Докукин.

Однако жена, не привыкшая делать всё с первого раза, задумчиво смотрела на прокурора.

– Бегом, я сказал!

– Людей разбудишь...

И пошла ленивой походкой по коридору. Разбудил да еще командует. А ведь ему здесь не прокуратура. Включила краны. Побултыхала пальцы в струе и вновь вернулась к мужу. Что-то он дикий вернулся. Люди его ждали, но так и ушли ни с чем.

Докукин отстранил с пути жену и полез в ванну.

Через час он отмок и едва не уснул в воде. Пришел в себя. Окатился прохладной струей, выполз, утерся и сел к телефону.

– Всех немедленно поднять на ноги! – гаркнул он дежурному по РУВД. И стал диктовать фабулу происшествия. Из сообщения следовало, что прокурора ограбили, телефон отобрали, самого едва не убили.

Закончив сообщение, он положил трубку, после чего выдернул провод из телефона. Нет его дома! Ни для кого! За пять часов от «грабителей» след простыл...

Дежурный по РУВД поднял дежурного следователя и двух оперативников. Подошла машина, и оперативная группа, тараща глаза друг на друга, отбыла. Без потерпевшего им, как ни крути, не обойтись.

По пути прихватили Мутного. На самом деле его звали Поляков Александр Иванович. Но в РУВД он был больше известен как Мутный. Он лазил по складам в период депрессии и поносил ментов при каждом удобном случае. Мутный и есть. Неясный, короче, тип. Маленький, кругленький. Спроси у него – даст точный ответ, целое заключение. Настолько круглое, что не ухватишь смысл, как ни старайся.

Подъехали к дому прокурора. Мутный хлопнул дверцей, скрылся в подъезде. И вскоре вернулся. Вновь бабахнул железом от расстройства чувств.

Народ в машине выжидающе смотрел на своего героя. А тот не спешил – пошли назад к такой-то матери. Утром разберемся. Старый козел не желает открывать. Может, нажрался и решил пошутить. Немудрено в таком возрасте...

Оперативная машина тронулась, набирая скорость.

– Высадите меня возле дома...

Он вынул из нагрудной кобуры пистолет, оттопырил губы и передернул затвор. Где вы, добрые старые времена, когда у прокурора из оружия была лишь шариковая ручка?

Мутный вышел из машины и покатился прочь, не закрыв за собой дверь, решительный и гордый. Настоящий Колобок...

Оперативная группа прибыла в дежурную часть с пустыми руками. Оперативный дежурный требует от группы первичный материал. Ведь прокурора ограбили, а не Ваню с Заречной улицы! Что дежурный утром представит начальнику? Голую запись в журнале? Оказывается, группа бессильна была что-то предпринять. Разберутся без них.

Утром Прахов «озадачивал» личный состав. За истекшие сутки произошел ряд случаев, в том числе один из ряда вон. Прокурора поставили на четыре кости. Во всяком случае, шли разговоры именно в таком направлении. Впрочем, сам чиновник говорил лишь о грабеже. И еще о том, что пришлось ему ночь напролет шествовать лесной дорогой.

По окончании совещания начальник РУВД направился к потерпевшему лично.

– Здравия желаю, Федор Петрович!

Федор Петрович не ответил. Он словно бы не слышал приветствия, зарываясь носом в бумаги.

Прахов подал для приветствия руку. Прокурор пожал ее, не вставая, и продолжил читать бумаги.

– Вопрос у меня, Федор Петрович...

– Ну...

– Как нам это дело проводить? Как грабеж или еще как-нибудь?

– Какой грабеж! Они же меня вывезли за город и бросили как собаку... Ноги до жопы истёр... Грозят... Не уйдешь по-хорошему – утопим... В прорубь, сказали, сунем, под лед... Не веришь – вот записка.

Докукин вынул из стола записку, подал Прахову, и тот побежал глазами по мятой бумаге.

«Господин Жидкий. Ваша должность требует самоотдачи. Но вы к этому неспособны. Мало того, что вы не в состоянии идти на жертвы, вы встали на путь укрывательства преступлений...»

Далее шел подробный перечень уголовных дел, не доведенных до конца под разными предложениями.

«Учитывая данные обстоятельства, – говорилось дальше, – просим вас в добровольном порядке покинуть пост, уступив место молодым. Должность прокурора района мог бы исполнять, допустим, Мутный (Поляков А.И.), действия которого во многом сдерживаются вами. У нас имеются основания полагать, что вы действуете из корыстных побуждений. Вина ваша для нас считается доказанной, поэтому наша сторона более не стеснена моральными убеждениями и другими предрассудками. Уйдите с должности мирно, не будоража общественность. Ваши вопли окажутся бурей в стакане воды! В противном случае будем вынуждены принять необходимые меры».

Прахов опустил бумагу на стол:

– Что же нам делать? У нас сообщение. И оно зафиксировано...

– А ничего! Заявление на увольнение подам!

– Не выйдет, Федя. Ты знаешь: у нас уходят в одном случае – по состоянию здоровья.

– Вот я и решил, что не могу больше...

– Поработай до лета, там решим, кем тебя заменить.

Докукин ошалело смотрел на Прахова. Здорово его обработали. И даже замену собираются подобрать, словно не существует прокурорской системы. Не брал бы на лапу – не слушал бы теперь поганые речи.

– Убить обещались, – морщился прокурор. – Патроны из пистолета вынули, а мне отчитываться...

– Сколько тебе надо – ящик, два?

Докукин смиренно согнул голову.

– Такого, как ты, нам не сыскать, так что не рыпайся. Сиди и посвистывай. Денег мало? Добавим. А этих голубчиков мы вычислим. Здесь Мутный, возможно, замешан. А может, его приткнули, лишь бы мозги запудрить. Какие они из себя?

Прокурор взялся вспоминать. Однако, как ни напрягал память, кроме «рецидивиста», никого не вспомнил. Страшный, как пистолет. На вид – лет девяносто. Курильщик анаши и профессиональный алкаш в одном лице...

– Фоторобот можешь составить?

– Могу...

– Тогда мы тихонько начнем искать... Эксперта тебе пришлю...

Проговорил, встал и вышел, не прощаясь.

Минут через десять из РУВД прискакал эксперт с приспособлением для «художественных» работ. Вдвоем с прокурором они принялись «творить». В результате появился портрет: «Иван Грозный в последние годы жизни».

– Больше ничем не могу помочь, – говорил прокурор.

– Не густо, – отвечал эксперт, собирая в кучу принадлежности.

– Кстати, – вдруг вспомнил он. – Надо вам посмотреть по нашим фотоальбомам. Может, кого узнаете... Принести вам?

Прокурор согласился, думая о своем, наболевшем. Неспроста в него впились «наблюдатели», потому что есть за что уцепиться. Нужно лишь захотеть, и поплывет прокурор...

«Пусть приносит. А я буду опознавать потихоньку, – думалось прокурору. – Черта лысого тут опознаешь...»

Эксперт вышел, оставив прокурора один на один с невеселыми мыслями.

«Мутного просто так примостили, чтобы мозги запудрить, – думал Докукин. – Это же все равно, что против ветра... Но если тот в чем-то замешан, Докукин ему не завидует. С утра бегаёт по кабинетам, кости прокурорские моет, ишак беременный. Надо за ним присмотреть...»

Не успел обмозговать последнюю мысль, как загремел телефон.

– Слушаю...

– Как ваши ноги, господин прокурор? Кстати, надо бы отдохнуть – к чему такой энтузиазм? Может, вы хотите получить еще один орден?

– Прекратите шутить!

Прокурор удивился. Оказывается, он снова мог повышать голос.

– А никто и не шутит.

– Кто вы такие, чтобы я вас слушал?!

– Короткая же у вас память, Федор Петрович. Как на счет вашего заявления? Пора уж. Поверьте, со стороны виднее.

Сердце у прокурора трепыхнулось. Говорить мог кто угодно. В том числе по приказу Прахова. Решили старого мудака проверить на вшивость. Влип Федя.

Он решил прекратить разговор, бросил трубку и почувствовал, что даже слеза навернулась. Ослабел под старость на это дело.

Однако телефон вновь прозвенел.

– Извините, но я не закончил, – говорил тот же голос. – Нехорошо класть трубку во время разговора. Как нам следует вас понимать? Вы отказываетесь покинуть свой пост?

– Именно так! Вы меня правильно поняли!

– Сожалеем. Заранее приносим свои извинения за предстоящие неудобства.

Телефон отключился. «Наблюдатели» рассчитали точно: не побежит жаловаться прокурор. Не станет кричать о притеснениях. Действуют они точно так же, как вымогатели в отношении преступного бизнеса. Получается, вор у вора дубинку украл. Но в данном случае всё по-другому. Не воры они...

Докукин схватил трубку и быстро набрал номер.

– Прахова мне! Кто-кто... Прокурор звонит!

Секретарша просила подождать: шеф говорил по телефону. Докукин ждал, вжимаясь в трубку.

– Слушаю, Прахов...

– Ты звонил мне только что?

– Даже не думал. Что? Был звонок? Надо поставить «прослушку», засечь козлов...

– Мне угрожают! – закричал прокурор. – Я не могу работать в таких условиях!

Федор Петрович визжал, как поросенок. В принципе, прокурорский надзор предполагает наличие хорошего голоса.

– Не ори, – попросил его Прахов. – Баклажку надорвешь, охрипнешь... Что тебе? Охрану приставить? Сейчас сделаем. Какие еще проблемы?

Проблем больше не было никаких, кроме одной. Но ему и одной достаточно. Того и гляди, в собственном кабинете начнут допрашивать по полной программе.

– Подошлю участкового, – успокоил Прахов. – Будет лично тебя охранять. Успокойся. Мы уже принимаем меры. И круг сужается...

Произнес и отключился. Хоть бы информацией поделился, ментяра.

Прокурор встал, подошел к мебельной стенке. Открыл дверцу холодильника, вынул початую бутылку коньяка, налил себе в бокал и выпил, косясь на входную дверь. Потом разорвал апельсин, сунул в рот, прислушался к себе. Алкоголь побежал в груди, выдавливая страх. Наконец остался лишь мелкий трепет, но и тот вскоре рассосался. Напрасно Федя кого-то боялся. Всё схвачено. Федя еще нальет и выпьем, чтобы уж совсем осмелеть. Даже удивительно, почему он сразу не догадался. А всё торопливость виновата. Испугался махровых похитителей, которые, может, сами его боятся.

Глава 6

Царев быстро шел на поправку. Служивцы навещали товарища каждый день. То один придет, то другой. Дочь с зятем бегают тоже.

– Царев? К вам пришли внизу, – сказала в двери медсестра. – Девушка спрашивает. Можете спуститься?

– Спасибо, спускаюсь...

Царев опустил и обнаружил в вестибюле внучку – та забила в угол, как мышка, и еле дышит. Они отыскали два свободных места и сели. Дед скользнул взглядом по внучкиным глазам.

– Рассказывай...

– Что рассказывать-то? Жизнь идет...

– Пишет Эдик?

Наденька будто не слышит вопроса.

– Поругались, что ли?

– Да нет...

– Тогда в чем дело?

– Служит... Полгода осталось...

Внучка поникла головой. Всё настроение деду испортила. Она взяла деда под локоть.

– Как жить теперь, деда?

– Выпишут – вплотную займусь.

– Говорит, если не буду с ним – по стенке размажет. У них банда, никого не боятся. И прокурор у них свой. Такое впечатление, что они хозяева жизни.

Царев приблизился к внучке лицом.

– Ступай сейчас же ко мне и никуда не выходи. Скажи матери – дед велел пожить. А на работу не ходи пока. Вечером приду...

– Тебе же лечиться надо!

– Заросло у меня...

Он поднялся, проводил внучку к выходу.

– Купи продуктов. Деньги под клеенкой лежат...

Дед поцеловал ее в темя и подтолкнул к двери. Ему некогда. Он спешит. Развернулся и пошел к лестнице, не оглядываясь.

Лечащий врач выкатил на Царева глаза: какая выписка! Лечение еще не закончено, а ему подавай. А если станет плохо, кто будет отвечать?!

Царев возвышался глыбой над письменным столом. Он не отстанет, потому что так ему надо. Вылечился. Здоров. Даже расписку готов предоставить, что никаких претензий не будет.

– Вам жить, – вздохнул врач и отпустил больного.

Царев собрал вещи, переоделся и поспешил к выходу.

– Выписку из истории возьмите! – крикнули ему.

– Потом! – махнул он рукой.

Медсестра догнала его на лестничной клетке и протянула бумажку.

– Спасибо за лечение, дочка...

Вскоре Царев уже был дома. Внучка только что пришла из магазина и укладывала в холодильник продукты. Битком забила. Свои деньги, видно, потратила.

Саня нырнул в холодильник, вынул бутылку водки.

– Тебе же нельзя, дедуля.

Кому нельзя, а кому и можно. Будут ему указывать в собственном доме. Он хрустнул резьбой, налил себе полстакана. Много пить он не станет. Надо быть с трезвыми мозгами. И если он сейчас слегка хлебнет, так на то есть основание.

Саня вцепился зубами в стакан и медленно высосал, крикнув. Слава богу, он снова дома. Отломил кусок колбасы, кое-как очистил и стал жевать. Потом вновь ухватился за бутылку.

– Деда...

Однако тот поднял указательный палец и качнул им в воздухе. Никто не должен ему мешать. Выпил половину бутылки, доел колбасу, затем поднял крышку и полез в подполье.

Надя присела рядом с крышкой.

– Ты иди, занимайся там, – бубнил под нос Царев.

Не хочет, чтобы внучка смотрела за ним. Для чего-то зашел за основание печи. Вероятно, проверить решил, не оседает ли.

Надя встала с колен. Щей, что ли, сварить. Да и на второе что-то приготовить желательно.

Она опустила в кастрюлю мясо и поставила на газовую плиту. Затем вынула из-под скамьи ведро с картошкой. Хорошо у деда в доме. Больше недели не жил, а тепло.

Дед выполз из подполья, закрыл за собой крышку. В руке он держал брезентовый сверток. Чего только нет у него в доме. Натаскал себе всякой всячины. Сейчас будет рассматривать. Гвоздей, может, кучу вынул.

Тот выдвинул от стены табурет, положил на него сверток. Дернул к себе другой табурет, сел у печи. Как его ни уговаривали, чтобы печь сломал, не согласился. Развязал тесемки, развернул брезент. Внутри оказался еще один сверток – продолговатый газетный комок, промасленный насквозь. Дед и его стал разбирать, хотя можно бросить в печь и сжечь.

Изнутри выглядывал кусок трубы. Дед содрал остатки газеты и бросил в печь. Оторвал кусок половой тряпки, снял солидол и отправил туда же. Снова оторвал тряпку и стал выбирать остатки. Тугоплавкая смазка не желала расставаться с металлом.

– Дедушка, это ружье?

Она не ошиблась. Это был винтовочный обрез. Здесь также находились патроны россыпью и пара пустых обойм.

Царев тщательно стирал с каждого патрона смазку, расставляя столбиком на скамье. Затем выдвинул из гнезда затвор и тщательно осмотрел. Ружейная смазка сохранилась. Ржавчина не тронула металл. Оружие имело прицельную рамку и самодельную мушку на конце дульного среза.

Дед вставил магазин. Лязгнув затвором, досылая патрон в патронник, и поставил оружие на предохранитель. Накинул на себя куртку и вышел во двор.

– Ты куда? – Внучка следовала за ним.

– Проверить надо...

Он подобрал в углу березовую чурку и сунул по мышку. Вдвоем они вошли в баню, у входа остановились.

– Закрой дверь плотнее. Зажми теперь уши...

Сам положил в углу березовый чурбак и вернулся к двери. Сел на порог, прицелился. От выстрела в ушах звенело. Дед передернул затвор. Пустая гильза выпала на пол.

– Для чего тебе это? – спросила Надя.

Царев не ответил. Может, он на охоту собрался. А спрашивать перед охотой – плохая примета. Может, надо сказать, сколько он уток добудет?

Он поднялся и подошел к чурке: пуля прошила березу насквозь и ушла в стену в самом низу. Ни один пистолет не способен на такое, хотя скорострельность у обреза, конечно, не та.

– У тебя суп не уйдет с плиты? – спросил он внучку.

– Щи... – поправила внучка и не сдвинулась с места.

– Тогда закрывай уши, – произнес дед и еще раз прицелился.

Оглушающий звук еще раз ударил по ушам.

– Достаточно. Испытали оружие.

Царев вторично исследовал чурку. Результат оказался прежний. Патроны не отсырели. Они в превосходном состоянии. Нужно добавить в магазин пару штук взамен использованных. Семь патронов – это неплохо. Жаль, нет у него «ГТ».

– Воевать ты, что ли, собрался?

Дед опять не ответил. Слишком у него внучка любопытная. Да и он, старый дурак, надумал при ней отстреливать оружие.

Они вернулись в дом. Щи кипели на плите, норовя залить огонь. Царев осуждающе оглянулся на внучку. Удовлетворила любопытство?

Убавив огонь, он вынул из шкафа тряпку, завернул в нее обрез и отправился с ним в зал. Там он присел к столику, поднял трубку и стал набирать номер.

– Царев беспокоит. Шкура заросла, а квасить я и дома смогу. Подъедешь ко мне?.. Жду.

Положив трубку, Саня откинулся на спинку кресла.

– Щи готовы, – объявила Надежда. – Налить тебе?

Царев согласился. Пришел на кухню, сел к столу. Рука привычно потянулась к холодильнику.

– Дедушка...

Внучка сверлила взглядом. Дед словно бы перед этим дал ей торжественное обещание и теперь нарушал свою клятву.

– А чо тут пить-то. Граммов двести осталось. Может, выпьешь со мной?

– Налей...

Царев плеснул ей в рюмку, себе в стакан, и тут же выпил. Похлебал щей и снова отправился в зал. Лег на диван. Его тянуло в сон. Слаб все-таки человек. Тем более операцию перенес. Прикрыл веки и сразу же задремал.

Проснулся – в окнах темно. В комнатах тоже. Кто-то на кухне разговаривает. Царев громко кашлянул, чтобы не вставать и не смотреть.

– Спишь, Ваше Величество?

В дверях возник Степаныч – худощавый, прогонистый, улыбается. На его месте Царь не улыбался бы.

– Выписался? – Степаныч поздоровался за руку.

– Докладывай, чего наработали без меня, – потребовал Саня, оставаясь лежать.

Ефремов сел в кресло напротив и вкратце поведал историю похищения.

– И что? – Саня блеснул зубами. – Лишили район прокурорской власти?

– Да нет пока...

– То-то же... Мочилово для них в самый раз. По-другому не понимают.

Саня приподнялся, опираясь локтем в подушку, и продолжил:

– Ты думаешь, их проймет совесть? Черта с два. Они так давно обгадились, что забыли, когда это было.

– Пожалели...

– О себе думать надо. Вас уничтожат, как уничтожили мою внучку...

Он покосился на двери.

– Но она же на кухне... – удивился Степаныч.

– Образно говорю. Для сравнения. Бнатов изнасиловал, сука, недавно.

Понизив голос, он вкратце поведал историю недельной давности.

– Можно обвинить подлеца в преступлении, – продолжил он, – но до суда дело не дойдет. Вещественные доказательства уничтожат. Но не это главное. Она не заявила об изнасиловании. Бойтся. Да и я боюсь. Но вещественные доказательства она сохранила...

На секунду он перестал бормотать, а затем продолжил:

– Докукина я бы прикончил... Живут, суки, не по средствам. Их зарплаты не хватит даже на сотую долю имущества. Иномарки. Коттеджи. Так что это, как тебе сказать... Оружие надо готовить.

Сказал и замолчал, блестя в темноте глазами. Степаныч тоже молчал.

– Вы как хотите, – продолжил Саня, – но я для себя решил. Окончательно и бесповоротно. К чему слова. К чему доказательства. Вот они где, мои доказательства.

Он постучал себе пальцем в висок и вновь покосился в сторону кухни. Оттуда падал электрический свет. Там гремела посудой внучка. Она не могла себя защитить.

– У нее парень служит в армии, – говорил Саня. – А Бнатов вон что удумал. Не будет он больше жить на этом свете. И на том свете ему места не будет.

– Может, в областную прокуратуру нам обратиться...

– У тебя совсем котелок не варит! Ты хоть газеты читаешь?

– Бывает...

– Выходит, читаешь... И что ты вычитал? Мафия? Круговая порука? Чиновники и бандиты в одной упряжке. Причем бандиты в режиме пристяжных, а те, что в погонах, передом идут.

– Давно ты об этом узнал?

– А ты?

Они умолкли. У одного внучка попала в сети, у второго сын под следствием. Неужели только с помощью кола нужно отстаивать свои права. Да и кол в этом случае плохой помощник.

Саня грузно поднялся с дивана, задвинул шторы на окнах, включил настольную лампу. На столике лежал сверток. Саня присел к нему.

– Пришлось расконсервировать.

Ефремов, словно бы нехотя, развернул ткань. Внутри лежал обрез.

– Осторожно. Заряжен...

Степаныч, улыбаясь, выдвинул затвор. Продолговатый патрон бутылочной формы выпал на пол.

– Семь штук внутри...

Саня нагнулся и подобрал с пола патрон.

– Где добыл?

Царев не торопился отвечать.

Ефремов продолжал улыбаться:

– У меня тоже есть оружие...

Он нагнулся и, приподняв штанину, обнажил кобуру с пистолетом.

– Теперь мне понятно, почему у тебя такие штаны широченные. Но его же потерять можно. И ходить неудобно... – высказался Царев.

– Зато не догадаются, что у старика там оружие.

– С этим я согласен. Испробовал?

– Негде. В хрущевках нельзя. В гараже тоже. В лесу разве что...

– Пошли в баню...

Ветераны вышли. И вскоре оттуда донеслись хлопки выстрелов. Надя специально отворила дверь, чтобы послушать. Звук слабый. Вряд ли кто догадается, что в бане стреляют из пистолета. Вскоре оба «испытателя» вернулись, блестя глазами. Молодцы. У них имеется оружие. И оно исправно.

– В Чечне было дело, – оживленно рассказывал Степаныч. – Смотрю: пистолет лежит. Отбросил его ногой в лопухи, а ночью вернулся, забрал. Словно чувствовал, что пригодится.

Они прошли в зал. Произвол в районе давно стал обыденным делом. Некому их защитить, поэтому они охранять себя будут отныне сами. Где-то, может, дела в этой части обстоят по-

другому, однако это очень далеко. Глухи и слепы областные власти, поэтому люд затаился. Думает, в одиночку да втихомолку легче пережить непогоду. И, как всегда, ошибается.

– Никогда я не думал, что такое могло случиться, – бормотал Царев. – Чтобы бандиты снюхались с ментами. Или чтобы менты сами стали бандитами...

– Не все там у них такие...

– Не важно. Если голова протухла, что остается делать низу?

Вероятно, они так и продолжали бы вести неспешную беседу, но в ворота громко постучали. Стучавший был нетерпелив. Как видно, он не привык ждать.

Кого там еще принесло? Саня раздвинул шторы: на дороге стояла легковая машина. Темная иномарка.

– Иди, – зашептал он внучке. – Скажи, дома никого нету. Но ворота, смотри, не открывай. Наденька накинула на плечи пальто, открыла дверь:

– Кто там?

За воротами молчали.

– Кого вам надо?

– Тебя, милая...

Надя шагнула назад и закрыла дверь. Ее трясло.

– Дедушка, это опять он...

– Скажи громче, чтобы отваливал! – Дед начинал волноваться.

– А если он не уйдет?

– Тогда пусть прощается с жизнью...

Внучка вновь выглянула:

– Что вы стучите?!

– Открой, пока ворота не вышиб!

– Кто там? – не сдавалась Надежда.

Она держалась из последних сил. Казалось, еще немного, и она уступит.

– Это Александр Сергеевич, – милостиво ответил голос из-за ворот. – Почему вы от нас бегаете? Почему вы скрываетесь? Мы так не договаривались. Согласно подписке, вы обязаны являться по первому требованию. Открывайте немедленно!

– Не открою! Вы меня обманули! Вы обещали!

Девушка рыдала. По лицу текли слезы.

– Мало ли кому Бнатов обещает, – бормотал тот за воротами. – Даю пять секунд – потом штурм и груды щепок.

У деда дрожали колени. У его товарища чесались руки – тот вдруг подумал, что пришло время совершать подвиги. Однако Царев удерживал его за локоть. Если идти на подвиг, то самому. Придавить сверху, в снегу, и держать, пока в ледышку не превратится. Но ведь тот явно не один. Если впустить их домой, станут шнырять по комнатам. Не дай бог, найдут оружие. Нет никакой гарантии, что не найдут. Это уж точно. Нечего им делать в чужом доме. Сюда их не приглашали. Сейчас новые действуют правила. Все-таки Конституция существует в стране. А в ней – права человека...

Пять секунд прошли, и Бнатов опять взялся за ворота. Он словно решил повалить их вместе со столбами. Он, может, даже перепрыгнул бы через них, если б не глухой двор, закрытый тесом со всех сторон, включая крышу.

– Ладно, дочка, – зашептал дед. – Ты поезжай, а мы следом. Нельзя его запускать к нам. Узнал он мой адрес, сучонок.

– Мамазя сказала. Больше некому.

– Сострой ему глазки, чтобы не переживал раньше времени. Потом отпросись в туалет, а мы подойдем.

Так и решили. Надежда быстро оделась, вышла за ворота и завела разговор. Какие проблемы? Разве можно переживать по пустякам? Собиралась на днях заглянуть, но всё не могла.

– Для чего ты киоск свой закрыла?

– Болела...

– Поехали в РУВД.

Ветераны стояли в этот момент за воротами, готовые выскочить следом. Однако вновь сдержали себя. Не станет Бнатов у себя в кабинете творить сексуальные чудеса. Решил закончить уголовное дело – вот и заехал за обвиняемой. Ведь они договаривались, что дело будет вначале закончено, а затем прекращено...

Степаныч вынул мобильник и заказал такси. Осталось прыгнуть в машину и броситься следом: своя машина у Сани была не на ходу – барахлил мотор. Степаныч зимой вообще никуда не ездил, ходил пешком.

Такси между тем опаздывало. Степаныч негодовал.

– Пистолет хоть оставь, – бормотал Саня.

– У меня не видно. – Степаныч, опустив голову, посмотрел в сторону голени. – И вообще я законопослушный. У меня же судимость условная...

За окнами с улицы мелькнул свет фар, раздался сигнал.

– Погнали! – встрепенулся Степаныч.

Царев быстро закрыл дом, и ветераны поспешили на улицу. Шел девятый час вечера.

Сержант у тамбура в РУВД прицепился к вошедшим. Вы к кому? Для чего?..

– Мы потерпевшие, от преступления пострадали, – запел Степаныч. – Нам к следователю Бнатову – дело заканчивать. Вызвал только что по телефону.

– Специально за этим только и ездим! – брэнчал Царев. – Который уж раз! Время теряем!

Сержант кивнул и вновь уткнулся в книжонку.

– Устав читает... – заметил Царев.

– Заставишь их...

Степаныч и Саня двинулись кверху.

Добро пожаловать!

В коридоре пусто. Тишина. По углам на полу окурки.

Ветераны подошли к кабинету Бнатова, прислушались.

– Тогда пойдешь на зону! – гремел тот же голос из-за двери. – Это говорю я! Старший следователь Бнатов!

Он ничего не боялся. Голос звучал резко, отчетливо.

– Но вы обещали, Александр Сергеевич... Вы говорили, что прекратите дело, если я уступлю...

– При чем здесь мои обещания? Сам обещал, сам и назад забираю свое обязательство. Ты сама себя обманула. Где ты была целую неделю? Думаешь, не знаю? К пацану опять ездила?

– У вас жена!.. Ай, не трогайте! Синяк будет...

Хлопнула внутренняя дверь, и голос перестал доноситься. Хорошо устроился бандюган в погонах – он может использовать кабинет по своему усмотрению.

Степаныч напрягся. Что делать? Может, хлопнуть скота по башке?

Царев молчал.

– Придавить гада – и концы в воду... Ты же видишь...

Ноздри у Сани раздулись. Кулак прилепился к двери.

Бормотание за дверью прекратилось.

Стук вновь разнесся в пустом коридоре, однако за дверью продолжали хранить молчание.

– Открой!

Санин кулак стучал по двери, словно отбойный молоток.

– Открой...

– Не открою, отвали! – ответил Бнатов.

У ветеранов оставался еще один выход. Вызвать на работу супругу Бнатова. Действительно, так и придется поступить.

Они отошли к лестничной клетке и затаились. Было слышно, как открылась и вновь закрылась дверь кабинета. Бнатов проверял, ушел ли незванный гость. Откуда ему знать, что приходил Надин родственник, дед.

Ефремов вынул сотовый телефон, быстро нашел номер, но трубку никто не брал. Вероятно, в квартире Бнатовых никого не было.

– Ему по «чайнику» настучать мало! – Саня кинулся назад к кабинету. Степаныч едва за ним успевал. У двери они остановились.

– У меня же разрезано здесь, – вспомнил Царев. – Швы, боюсь, разойдутся...

Степаныч отстранил товарища рукой и ударил ногой рядом с замочной скважиной. Дверь хрустнула. После второго удара от нее посыпались щепки. Саня придержал товарища за плечо, толкнул дверь и вошел первым. Вторая дверь отворилась сама – в проеме стояла Надя.

Бнатов трепал в руках телефонную трубку. Испуганный взгляд прыгал от цифр к двери. Палец не попадал в кнопки.

Царев прыгнул к столу и жестко осадил ладонями Бнатова книзу. Голова старшего следователя пробороздила по сейфу, задев ухом за торчащий из скважины ключ, и очутилась в самом низу, тогда как задняя часть продолжала пока что сидеть.

– Уходим, – торопил Степаныч.

– Подожди... У него ключ в сейфе торчит. Заберем парочку дел.

Степаныч приплясывал от нетерпения. В любой момент в кабинет могли войти люди. У двери жалась от испуга Надюха, тогда как Царев рылся в сейфе.

– Вот оно. Надькино дело, – обрадовался он. – Остальные возьмем для веса... Смотрите за дверью.

Он быстро, словно всю жизнь этим только и занимался, оторвал от катушки длинную нитку для шивания документов, перевязал несколько папок.

– Нас не пропустят – там же этот сидит на вахте, – вспомнил Степаныч.

Царев злорадно усмехнулся. Подошел к окну и выбросил упаковку в форточку. Затем закрыл ее на шпингалет.

– Теперь можно. А этот пусть лежит...

На вахте сержант не обратил на них внимания. Он даже не поднял в их сторону головы, продолжая читать.

Они прошли под окнами, подобрали из снега связку уголовных дел и растворились в темноте.

Бнатов в любую секунду мог придти в себя. И тогда неминуемой станет погоня. Лучший вариант – пробраться пешком среди частного сектора вплоть до Саниного дома. На дорогу ушел чуть не час. Зато их никто не видел, исключая собачью «свадьбу», которую с трудом удалось обойти: сучка кидалась на пешеходов, хватая за ноги.

– Мозги, видать, помутнели от секса! – ругался Степаныч, глядя в сторону собак.

Они закрыли на запор ворота и вошли в дом. В дальней комнате они зажгли свет, затворили за собой дверь и стали читать уголовные дела.

Они еще не успели обрести необходимую толщину. Картонная обложка, протокол осмотра места происшествия, рапорт оперуполномоченного Исаева, а также протокол выемки вещества, «похожего на наркотик». Так обычно пишут в протоколах изъятия. По одному из дел проходил некто Баширов Талгат Баширович.

В другом деле тоже было несколько листочков, зато здесь имелось постановление о взятии под стражу подозреваемого лица.

Степаныч выписал данные о понятых. Они интересовали его больше всего. Именно на их показаниях обычно строится обвинение.

– Вот и славненько! – радовался Степаныч. – Подозрение подтвердилось!

– Не томи душу...

– В этих делах одни и те же люди. Это не простые зеваки с улицы. Они подтвердят что угодно, – рассуждал Степаныч. – Отсюда вывод: нам нужны понятые. А дела надо спрятать.

– Под карнизом – самое то.

– Это не просто бумажки. Это доказательства фальсификации... Но спрячем мы их по-другому. У тебя есть пластиковый пакет?

Пакет нашелся. И даже мешок из-под картошки. Степаныч уложил дела а пакет, сунул его в мешок, обернул остатки вокруг пакета. .

– Теперь пойдем в баню. У тебя там вода в баке была.

– Топить ты их, что ли, собрался.

– Увидишь...

Наденька во все глаза смотрела на ветеранов. С ума под старость сошли: того и гляди, ввалятся в дом непрошенные гости, а эти в шпионов играть надумали. Бросить бумаги в печку – и дело с концом.

Но ее почему-то никто не слушал.

Втроем они пришли в баню. Степаныч обмакнул пакет в воду, вышел и бросил в снег. На нем образовалась снежная корка. Подержал немного. Вернулся в баню, еще раз опустил в воду и вернулся к снегу. И так несколько раз, пока пакет не превратился в ледяную глыбу.

– Теперь до весны может лежать, – говорил Степаныч. – Даже в снегу. На глазах у всех остальных...

– Действительно, – соглашались Царев и внучка.

– По делу такой способ проходил у меня... Не ноу-хау, но всё же...

Степаныч размахнулся и бросил пакет в сугроб. Тот скрылся в пушистом снегу, словно его никогда и не было.

– Придут к нам или нет? – спрашивала Надюха.

Ей чудился следователь. Он мог придти за ней в любую минуту.

– Ему не до нас. И не до тебя... – рассуждал Степаныч. – Первым делом полезет в сейф – дела посмотреть. Обнаружит пропажу, после этого начнет думать. Напали, связали, заткнули пасть и так далее. Но и это еще не все. Думаю, для начала он займется своим здоровьем, потом пересчитает дела...

Они возвращались в дом, когда услышали звук телефона внутри. Саня метнулся вперед, схватил трубку.

– Да. Приветствую... – гудел он. – Пришлось выписаться. Приезжайте. Степаныч у меня... Ах, вот даже как?.. Это даже интересно.

Он положил трубку и обернулся к Ефремову:

– Карманов уже в курсе: неизвестный тип объявлен в местный розыск. Якобы ворвался в служебное помещение и стукнул гирей в ухо одному следователю. Походит на японца.

– По всем приметам – это ты, Саня.

– Придумаем что-нибудь. Виноградов должен помочь...

Вскоре Карманов с Виноградовым сидели у Царева в доме.

– Что-то слабо мы действуем, – возмущался Карманов. – Одни у нас пока что «при-мочки». Одного в лес на прогулку, другого гирькой по уху...

– Не бил я гирей!

– Надо было в лесу оставить. Привязать козла к дереву и уехать...

– Да разве же мы фашисты?

– У нас теперь понятые! – воскликнул Степаныч, вынимая из кармана бумажку. – Вот их данные. Думаю, те еще штучки... Фамилии, адреса, телефоны. Чтобы развалить обвинение, начинать надо с них...

Карманов обрадовался. Уже кое-что.

– Обличье изменить ему надо. – Степаныч смотрел на Царева. – С такой приметой заметут на первом же перекрестке. Худенький ты наш.

Виноградов раскрыл дипломат и стал в нем копать.

– Могу посоветовать, – сказал он, вынимая пакет.

– Бабий шиньон, что ли? – ворчал Царев.

– Почти угадал... Но не совсем.

Евгений расправлял на столе «шпионские» принадлежности: кустистую бороду с усами. Затем вынул очки в массивной оправе.

Степаныч тут же ухватился за бороду и поспешил к Цареву.

– Примерь...

Однако тот замахал на него руками. Не будет он носить бороду. Что он? Карл Маркс, что ли?! Усы если только...

– Примерь хотя бы...

С внутренней стороны бутафорских усов сняли наклейку и быстро прижали Сане на верхнюю губу. Саня даже удивиться не успел. Взглянул на себя в зеркало и не смог узнать. На него смотрел неизвестный тип.

– На казака похож, на запорожского, – проговорил он.

– На казака или на Будду – это точно. Усатый Будда! Интересно, были у того усы? Кажется, нет... Очки примерь.

Виноградов раскрыл дужки.

Царев надел очки и вновь устремился к зеркалу. Неприступная личность получилась. Как минимум профессор каких-нибудь наук.

– Так и ходи теперь, Саня, – учили товарищи. Со стороны им было виднее.

– А соседям я что скажу?!

– Не надо гирькой бить! Надо гантелью! – шутили друзья.

– А дальше-то что? – негодовал Царев.

– Дальше – думать надо пока что, – говорил Карманов, задумчиво глядя в список понятых, состоящий, впрочем, всего из двух фамилий.

Глава 7

Сестры Сорокина и Воронина по очереди приняли ванну и слонялись теперь по квартире. Обе худые, как занозы. Мать родила их в один день, однако похожи они друг на друга, как вилка на бутылку. Разноййцовые оказались дочери. Фамилии у них с некоторых пор тоже разные. Всё очень просто. Сорокина Марина была в браке, от которого осталась лишь фамилия. Даже ребенком обзавестись не успела. Она вышла замуж, а назавтра развелась. Она торопилась. Муж ничего ей не дал, кроме головной боли. Маришка не имела никакого желания кухарничать на слесаря со Старого завода и стирать его робу, потому что ее сестра, Воронина Дарья, шла на подъем. Та совершала карьеру проститутки. Сутенером у нее выступал некий клоп из ментуры по прозвищу Пахом.

Следом за сестренкой прыгнула в омут и Сорокина. Это не представляло большого труда. Хороший омут, если каждый день обе сестры при деньгах. О чем действительно переживать, кроме денег? В этом деле так: попал в дерьмо – не чирикай.

К началу их сексуальной карьеры отец давно лежал на местном кладбище, а мать досиживала век на скамейке у подъезда. Поздними оказались близняшки. Родительница попервости пыталась качать права на счет семейного счастья и прочей бредятины, но у нее ничего не вышло. Кто она им? Мама? Но им самим четвертый десяток идет. Содержат себя, и ей достается. Ходит во всем новом. Сыта. Пенсию со сберкнижки не снимает. Вот и помалкивает теперь матушка. Она бы, может, будь сама моложе, тем же бизнесом занялась, но, увы, поезд давно ушел.

Сегодня у тружениц выходной. Надо в божий вид себя привести, к гинекологу сбегать. Перышки ошипать. Подбрить, где требуется. Телефон у них по этому случаю отключен – ничто не должно их сегодня тревожить. Даже Пахом. Однако Дашкин мобильник все равно прозвенел. Забыла, идиотка, питание отключить.

– От заката до рассвета? – спросил телефон.

– Да, – привычно гнусавила Дашка. – Фирма «От заката до рассвета». Слушаем вас очень внимательно.

– Хорошенькие вы мои! – ржал Пахом. – Что бы вы без меня делали! Собирайтесь, родимые!

– У нас выходной, – напомнила Дашка. – Башка вся мокрая...

– По службе я! – прервал Пахом. – Бнатов гирькой погладили. Осмотр в кабинете делать надо. Собирайтесь. Машина за вами выслана...

С улицы вскоре донесся сигнал автомашины. Сестренки звали на выручку. Никуда не денешься, если по своей воле в фекалии наступили.

Девушки натянули сапоги-ботфорты и, захлопнув за собой дверь на защелку, загремели ступенями книзу.

Мать вздохнула в соседней комнате. Ни днем, ни ночью покоя нет дочерям. Ну и жизнь пошла, едрит твою в кандибобер. Будь в живых отец, все кудри давно бы выдрал. Куда можно бежать сломя голову в выходной день?!

Машина вошла на милицейский двор и остановилась. Девушки и сержант-водитель вошли через заднюю дверь в управление. Это был знакомый маршрут. Дальше они без сопровождения обойдутся.

– К Пахомову нам...

– Проходите, – разрешил сержант на проходной.

Дамы шагнули к ступеням и вскоре образовались на этаже, переводя дух после подъема. Торкнулись в дверь к Пахомову: закрыто. Поднялись этажом выше – услышали сразу несколько

голосов. У Бнатов в кабинете оказалось несколько милицейских чинов в форме, а также один в штатском. Кругленький. На Колобка походит. Зовут Мутным, однако на кличку не отзывается.

– Мы прибыли...

– Что за люди, кто такие? – вылупил глаза Колобок. Понятые? Пусть обождут. Потерпевшего не успели еще допросить...

Бнатов, с забинтованным ухом, сидел в углу помещения и морщил лицо. За его столом сидел теперь Мутный. Тягомотина только что начиналась. Из сейфа пропало сразу три уголовных дела. Бнатову лечь бы в больницу и лежать там, ни о чем не думая. Он и лег бы, но похищенные дела оказались из разряда «особых».

– Дальше, – требовал Мутный. – Махнул, говоришь, рукой?

– Из рукава гиря выпала. На резинке. И прямо в голову.

– Но у тебя же правое ухо задето! Как же он так?..

– Выходит, левша оказался...

Бнатов с шумом всосал воздух и сморщился. Голова гудела. Не каждый день головой об сейф получать приходится.

– Далее, – подгонял Мутный, не поднимая головы от протокола.

– Дальше я сознание потерял. Потом увидел, что дверь открыта...

– В кабинете?

– В сейфе...

– Выходит, дверцу увидел открытой... И что?

– Сразу кинулся пересчитывать. Трех дел не оказалось.

Мутный, удивляясь, почесал голову на макушке. Стукнули по котелку тяжелым предметом и дела выгребли. Всего три. В интересное время живем...

– Кто мог совершить налет? – задал Мутный ключевой вопрос. Он поднял голову и впился взглядом в потерпевшего, ожидая ответа.

Потерпевший пожал плечами. Единственный, кого он запомнил, был мужик килограммов на двести. На японца походит. Глаза жиром заплыли. Возраст – за шестьдесят будет.

«Не густо, – решил Мутный. – Если где-то воруют уголовные дела, значит, это кому-то нужно...»

– Другого я никого не заметил, – продолжал Бнатов. – Но такого не может быть, чтобы один приходил. Надо же кому-то на стреме стоять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.